

Муниципальное учреждение
Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Петр БУРМИН

Б И О Л И Т Ы

Фантастические рассказы

Новокузнецк
2010

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Б 91

Бурмин, Петр Сергеевич

Биолиты : фантастические рассказы / Бурмин Петр ; ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт» . – Новокузнецк, 2010 . – 56 с. : ил.

©Бурмин П. С., 2010
Иллюстрация на обложке – П. Бурмина

Бурмин П. «Автопортрет»

Коротко о себе

Родился я в 1933 году в Алтайском крае.

Два года спустя приехал в Новокузнецк (Сталинск), разумеется, вместе с родителями, которые завербовались на строительство Кузнецкого металлургического комбината.

Я тоже начинал свой трудовой стаж на КМК – сначала в электроремонтном цехе, затем в цехе ремонтно-строительных деталей.

На пенсию вышел из строительной фирмы, где работал художником-оформителем.

В шестидесятых годах в газете «Комсомолец Кузбасса» было опубликовано с десяток-другой моих стихотворений, приуроченных к полетам человека в космос.

К тому же времени относятся и мои первые опыты в фантастике.

Благословенная ошибка (Вместо предисловия)

1. Что нужно для того, чтобы стать хорошим писателем?
2. Как вы относитесь к живописи?
3. Умеете ли вы стоять на голове?
4. Когда вы отдыхаете?
5. Ваша ахиллесова пята?
6. Согласны ли вы со следующим положением: исторический и фантастический жанры суть одно и то же, поскольку оба базируются на фактах, только первый на хронологических, а второй на научных?
7. Что вас побудило отдать свои силы научной фантастике?

Эта содержательная и хитроумная анкета, достойная маститого писателя-фантаста и крупной пресс-конференции, была предложена автору этих строк, хотя он далеко не маститый писатель и произошло это на заурядной вечеринке, устроенной по случаю окончания картофельной кампании.

Я ответил по каждому пункту. И – по возможности – лаконично.

1. Много чистой бумаги и немного воображения.
2. Как к щедрому работодателю, которому я никогда не смогу вернуть долг.
3. Это я оставил тем, кто не нашел ей лучшего применения.
4. Когда не задают мне подобных вопросов.
5. Мозоль, которую я набил, бегая от одного издательства к другому.
6. Чем достовернее факты и чем их больше, тем историческая вещь ценнее.
7. Что же касается проблем научной фантастики, то для меня их вообще не существует, равно как и самой, извините, научной фантастики.

Наверняка многие из тех, кто слышал мой ответ по последнему пункту анкеты, меня сочли бессовестным задавакой, а то и кем-нибудь похуже. Я и сам себя чувствую последней скотиной. Но что мне оставалось делать? Не мог же я сказать правду – мол, пишу о том, что вижу и слышу, что биолитическая жизнь, о которой я рассказал в

готовящемся к печати цикле новелл, – вовсе не плод моего воображения и что я, наконец, в хороших отношениях с одним из ее представителей?

Впрочем, почему бы и нет?

Мир полнится не одними скептиками... Я же поверил... А я, надо сказать, отношусь к той породе людей, которые отнюдь не склонны верить во всякую чертовщину.

Была не была!..

Началось это в один из вечеров... Лет десять-двенадцать назад.

Время близилось к полночи. Я сидел за письменным столом, склонившись над томиком Джека Лондона. Помню также: до того, как приняться за чтение, я исчеркал до десятка листов бумаги, ища слова для недоделанного сонета... А вот было это осенью, зимой или летом – сказать затрудняюсь.

– Почему бы мне не написать рассказ о Кьююю? – вдруг спросил я себя, отодвигая книгу. – Кьююю... Кьююю... А что это такое?

То, что произошло затем, было еще более необъяснимо и удивительно.

Я вздрогнул от внезапного толчка и тотчас почувствовал, что куда-то не то стремительно лечу, не то падаю; нечто подобное мы иногда испытываем перед тем, как заснуть: ученые объясняют это атавизмом, то есть ископаемым страхом, унаследованным от далеких предков.

Нет, я не падал, а с невообразимой скоростью уносился к звездам. Я понял это, когда заглянул в иллюминатор, образовавшийся в стене моего кабинета, который ни с того ни с сего превратился в рубку космического корабля; вместо письменного стола, пишущей машинки и стеллажей с книгами я увидел огромную панель с фосфоресцирующими шкалами, робота, сидящего на месте навигатора, и множество диковинных приборов непонятного мне назначения; подо мной был не старый ясеневый стул, а массивное металлическое кресло. Небо было усыпано крупными разноцветными звездами; они заметно двигались мне навстречу и, оставляя бледноватый след, исчезали за пределами видимости. Последнее обстоятельство и свидетельствовало о чудовищной скорости звездного корабля, в котором я очутился столь непостижимым образом.

Вскоре звездная метель прекратилась. Глазеть в пустоту – занятие не из приятных, и я, сунувшись носом в пульт управления, на этот раз заснул по настоящему.

Как ни странно, но утром, когда поднял с письменного стола заspanную голову, я был уверен, что все это происходило на самом деле.

За завтраком и потом на работе я не переставал думать о ночном приключении; вернулся домой с уверенностью, что оно повторится. И оно повторилось, едва я уединился у себя в кабинете.

Строго говоря, это было продолжением увлекательного путешествия, прерванного накануне.

Передо мной снова фосфоресцировали осциллографы. Я сидел слева от робота-навигатора, как в прошлый раз, и смотрел в иллюминатор, по ту сторону которого по-прежнему царили мрак и холод. В этот раз я был полон решимости игнорировать происки Морфея.

От нечего делать, а прежде всего затем, чтобы не заснуть, я занялся изучением того, что меня окружало. Поскольку большинство приборов, находящихся в рубке, ни о чем мне не говорило, то я все свое внимание сосредоточил на навигаторе, который, надо сказать, при ближайшем рассмотрении мало походил на робота, а если и походил, так только внешне. Представлял он собой восьмигранную усеченную пирамиду с десятью довольно гибкими конечностями – по крайней мере я столько насчитал – и головой в виде серпа, рожки которого были обращены книзу; ни фотоэлементов, ни динамиков, ни другого какого-либо приспособления для приема и выдачи информации я у него не заметил. Что же касается темперамента, то навигатор принадлежал к той категории звездолетчиков, которая как нельзя лучше подходит к космосу; судя по мажорной мелодии, что он то и дело выстукивал на подлокотнике кресла, ему никогда не изменяло хорошее настроение. Порывистый и восторженный, он производил впечатление молодого шалопая, совершающего увеселительную прогулку. И ужасно болтливый. За несколько первых минут совместного путешествия я успел основательно познакомиться с его родной планетой Окле и ее соседкой Кьююю, куда мы направлялись; узнал о прививках против коррозии, а также о страдающих несварением желудка пирамидянах, которые по этой причине вынуждены питаться исключительно расплавленным базальтом...

Звездолет между тем продолжал поглощать пространство...

Затем снова появились звезды: это уже был настоящий ливень. Обтекая аппарат, словно уступая ему дорогу, звезды стремительно проносились мимо. Но не все: самая яркая из них казалась

неподвижной, хотя с каждой секундой увеличивалась в размерах; это потому, догадался я, что она находится в диаграмме полета.

– Капитан, – обратилось ко мне существо, которое вначале я принял за робота, – мы – у цели. Прикажете начать программу торможения?

– Приказываю, – сказал я и действительно почувствовал себя... э-э... капитаном.

– Исполняю. – И навигатор утопил кнопку под квадратным осциллографом.

Я машинально откинулся на спинку кресла; однако ощутимых изменений в силе тяжести не последовало.

Вскоре неподвижная звездочка выросла в пылающий диск; тут светило внезапно сорвалось с места; описав кривую, оно скрылось за правым краем иллюминатора; в обзоре последнего тотчас возник полумесяц другого небесного тела.

– Планета Кьююю, – доложил навигатор.

Полумесяц рос на глазах, и по мере этого его очертания становились все более округлыми.

Мы сели на освещенной стороне, и я увидел... Впрочем, то, что я увидел и услышал на планете Кьююю и еще кое-где, читатель найдет в предлагаемом сборнике. Кстати, все, что я написал в этом духе, писал легко и быстро, словно писал под чью-то диктовку. Собственно, так оно и было на самом деле; обстоятельствами, при которых выяснилось это, я и закончу свое затянувшееся предисловие.

Следует заметить, что ночные путешествия, совершаемые мной выше описанным способом, почти не оставляли времени для отдыха, и это плохо сказывалось на моем здоровье.

Как-то раз, после одной из таких ночей и суматошного дня службы, я чувствовал себя особенно скверно. Прежде чем, по обыкновению, запереться у себя в комнате, я решил немного вздремнуть в одном из кресел, находящихся в гостиной; иногда мне это удавалось, особенно с включенным телевизором: передачи телевидения оказывали на меня действие, аналогично известной дозе снотворного.

Впрочем, насколько я помню, в тот вечер я не испытывал нужды в услугах телевидения. Однако телевидение думало иначе. Точнее, телевизор – старый деревянный ящик, битком набитый электронными лампами, проводами и прочим, ящик, который ухитрился о чем-то болтать простуженным голосом и даже что-то показывать в черно-

белом изображении, когда я врубал его в сеть с помощью вилки и розетки.

Говорят, самое дорогое на свете – сон; справедливость этой истины я ощутил всем своим существом, устраиваясь в кресле. Едва я закрыл глаза, в том углу гостиной, где стоял телевизор, тотчас послышались тихие звуки музыки... Бизе, подумал я с благоговением, засыпая.

Я был уверен, что сон мой длился всего несколько мгновений, пока звучала первая музыкальная фраза. Но, судя по самочувствию, можно было подумать, что проспал целую вечность.

Я поднял голову и с уважением посмотрел на свой старенький телевизор, чья аппаратура на этот раз не искажала, по обыкновению, звуки музыки, напротив, делала их еще более чистыми. На экране я увидел темпераментную Кармен, исполняемую народной артисткой Беллой Руденко. Декорации спектакля, одежда и украшения действующих лиц сверкали всеми цветами радуги... Цветное изображение?! Это на экране-то моего телевизора? Быть такого не может! Между тем... он даже не был соединен с электрической сетью: конец шнура, с помощью которого это делается, безмятежно валялся на полу, в нескольких метрах от розетки – его единственного источника питания.

Я мало смыслю в науках, однако достаточно, чтобы в каждом непонятном явлении не усматривать чуда. Поэтому сюрприз, что преподнес телевизор, оказался для меня не столько импульсом психологических переживаний, сколько предметом логических размышлений, в результате которых я пришел к следующим выводам: поскольку в конструкции моего телевизора не были предусмотрены приспособления, позволяющие принимать и воспроизводить цветное изображение, поскольку современные технологии еще не нашли способов беспроводной передачи электрической энергии на расстоянии, – стало быть, то и другое можно объяснить только вмешательством инопланетного разума.

Сомнений быть не могло. Дальнейшие мои действия соответствовали создавшейся ситуации.

– Кто бы вы ни были, сию минуту отключите телевизор! – бросил я в пустоту и, презирая себя за нелепую выходку, устало плюхнулся в кресло. – Иначе придется вызвать пожарную команду...

Динамики тотчас умолкли, изображение пропало.

Судя по результатам, – подумал я облегченно, – это было не так уж глупо. Стало быть, я на правильном пути. Пойдем дальше.

– Вам не осточертело играть в прятки?

Пустота сгустилась в форму пирамидянина; возможно, это был тот самый, что сопровождал меня в космических прогулках в качестве навигатора; ближайшее кресло, в котором он материализовался, затрещало от непредусмотренной тяжести.

– Я к вашим услугам, хозяин, – отозвался пришелец. – Вы пожелали, чтобы я овизуализился? Я к вашим услугам, – повторил он.

Ощущение почвы под ногами никогда меня не покидало, даже во сне я не терял самообладания: видя кошмары, я твердо знал, что это кошмар. Но тут почувствовал себя не в своей тарелке.

– Судя по всему, – обратился я к своему странному гостю, – вы представитель инопланетного разума, верно?

– Как и то, что я – агент Галактического Сервиса, взявшего на себя хлопотные обязательства оказывать всевозможные услуги в пределах Трапециевидного Сегмента и Нижней Хорды.

– Речь идет о бюро добрых услуг... так сказать... галактического масштаба... если я правильно вас понял?

– Правильно.

– Я полагал, что контакты между инопланетными цивилизациями будут осуществляться официальными лицами, наделенными политическими полномочиями?

– Так оно и было на первых порах...

– Что-то я об этом не слыхал...

– Шутить изволите, шеф? – усмехнулся пирамидянин и что-то крайне мажорное замурлыкал себе под «нос».

– Боже упаси! – струхнул я: судя по научно-фантастическим романам, в которых проблемы контактов давно решены, инопланетяне – народ крайне взбалмошный и капризный, и, если что не так скажешь, тогда ни за что не расхлебашься. – Поймите меня правильно...

– Тогда каким образом ваш запрос попал в Галактический Сервис? – несколько растерянно пробормотал он. – Это делается через официальную политику.

Я мог бы солгать, чтобы и дальше удерживать около себя этого парня. Но язык не повернулся. Сказал ему всю правду.

Но мои опасения оказались напрасными: узнав правду, агент Галактического Сервиса не выказал желаний лишить меня своей опеки, в которой я так нуждался. Только пожаловался:

– Недотепа. Снова допустил ошибку...

– Благословенную, – подсказал я, чтобы его утешить.

26.09.1974

Случай, когда ядерная война принесла пользу

Эксцентрелла – обитаемая планета; находится в системе Малой Медведицы; имеет необычную каплевидную форму, вследствие чего ее ось, вокруг которой она делает оборот за двадцать шесть часов и тридцать две минуты, существенно смещена в сторону. Отсюда и ее название. Эксцентриоты – разумные обитатели планеты Эксцентреллы; генетически относятся к так называемой «биолитической группе».

Эксцентриоты, эти грациозные добродушные великаны, обладают высокоразвитой, исключительно своеобразной цивилизацией, знакомясь с которой мы увидели много интересного и поучительного...

Но о чудесах инопланетной технологии мы расскажем как-нибудь в другой раз. Сейчас же речь пойдет о самих эксцентриотах, чья биология долгое время оставалась для нас, кьююян, тайной за семью печатями.

Вопрос был сформулирован следующим образом: какова химико-биологическая основа, на которой базируется физиология эксцентриотов?

Вопрос этот мы неоднократно поднимали на официальных встречах со специалистами и с представителями наук, близких к эксцентриотологии. Не упускали случая поговорить на волнующую нас тему и в более непринужденной обстановке. Но хозяева, по обыкновению, отмалчивались. В лучшем случае мы слышали от них несколько ничего не значащих слов, которые еще больше подогревали наше любопытство.

А вообще эксцентриоты – общительный и гостеприимный народ.

Частыми гостями они были и у нас на космолете. Особенно – один из них.

Это был молодой ученый по имени Тпей, работавший над проблемой... ликвидации атмосферы, которая, по его словам, представляла постоянную угрозу для существования эксцентриотов.

Чашка кофе, к которой наш гость никогда не притрагивался, располагала обе стороны к доверительной дружеской беседе. Разумеется, мы больше слушали, чем говорили. Тпей охотно рассказывал нам о научных достижениях, столь преобразивших

планету, о перспективах селекции алюминиевых злаков, о взаимоотношениях полов и даже о системе государственного устройства. Но, едва речь заходила о его собственном устройстве, он тотчас начинал прощаться, вдруг вспомнив о делах, не терпящих отлагательства.

Если мы настаивали, он говорил:

– Простите, лее-келам (лее-келам – почтительное обращение на языке эксцентриотов), но говорить о таких вещах я пока не уполномочен нашими властями...

Сегодня, правда, сказал больше:

– Одно могу сообщить вам, лее-келам: в генетическом отношении между кьююянами и эксцентриотами, к сожалению, имеются существенные различия... Впрочем, – добавил он, широко и добродушно улыбаясь, – этого, к счастью, не скажешь о наших духовных интересах: тут у нас с вами много общего...

Вот и все.

Но это и без разъяснений было очевидно.

Словом, снова фиаско. Но мы уже привыкли к неудачам подобного рода и не особенно расстраивались – были уверены, что рано или поздно, но наше любопытство будет удовлетворено.

Проводив гостя, я поднялся к себе в каюту. Спать не хотелось, и я, прежде чем лечь в постель, решил немного поработать – записать ряд мыслей, возникших в течение прошедшего дня и показавшихся мне достойными летописи.

Однако поработать мне в этот вечер не удалось.

– Внимание! Внимание! – покрывая стрекот моей пишущей машинки, вдруг загредел аппарат внутреннего оповещения. – Всем участникам экспедиции срочно собраться в астрономическом отсеке! Повторяю...

Оказывается, не одного меня одолела бессонница... – подумал я, торопясь к месту явки.

В коридоре я догнал второго навигатора Вал Пета.

– Ты в курсе, что там такое стряслось?.. – спросил я его.

– Представления не имею...

– ...В технологическом отношении эксцентриоты ушли несравненно дальше нашего, – услышал я хорошо поставленный голос астронома Сан Тона, войдя в нашу крошечную обсерваторию следом за Вал Петом. – Например, мы еще не научились превращать одни элементы в другие путем последовательных ядерных реакций. А они это осуществили. Правда, пока в незначительных масштабах.

Заслуживает внимания и структура их общественного устройства, представляющая собой один из лучших вариантов пантекратизма... Но вот что странно: несмотря на свою технологическую зрелость... – Тут он побольше набрал воздуха в легкие, намериваясь, по-видимому, сообщить нам то, ради чего поднял нас с постели.

Зазуммерил небольшой аппаратик, что по форме напоминал обыкновенный вентилятор, но ничего не имел с ним общего по назначению; с его помощью, в случае необходимости, мы связывались с эксцентриотами, чьим подарком, собственно, он и был. Когда лопасти «вентилятора», стремительно набирая обороты, слились в сплошной полупрозрачный диск, возникло изображение знакомого эксцентриота.

– Добрый вечер, лее-келам, – сказал он, спокойно глядя на нас.

Сан Тон приблизился к аппарату.

– Вечер добрый, Тпей-келам. Извините, что побеспокоили...

– Охотно.

Сан Тон немного помолчал. Затем, прочистив горло, продолжал:

– Тут у нас имеются кое-какие новости...

На безмятежном лице эксцентриота не отразилось ни малейшего интереса, словно он знал заранее все, что сообщит ему этот седой тщедушный кьююянин.

– Речь идет о группе небесных тел, которые мы только что обнаружили с помощью оптического телескопа, – объяснил Сан Тон. – Неизвестные тела стремительно движутся. – Он снова помолчал. – И, судя потому как некоторое время спустя стали наблюдаться визуально, движутся... в сторону Эксцентреллы...

– Благодарю вас, Сан-келам, – бесстрастно отозвался эксцентриот. – Об этом мы уже информированы.

– Кроме того, – продолжал Сан Тон, – путем анализа показаний инструмента, который мы используем для определения радиоактивности удаленных объектов, нами установлено, что упомянутые небесные тела, несомненно, являющиеся инопланетными летательными аппаратами, располагают подозрительно большими запасами ядерного вещества. Значительно большими, – подчеркнул он, – нежели это требуется для обеспечения обычных навигаторских актов...

– И это нам тоже известно, – снова заметил эксцентриот.

– Избытки ядерного горючего, – втолковывал Сан Тон своему невозмутимому собеседнику, – это явная демонстрация грубой силы... Да-да... Если уже не тактический маневр... за которым последует...

– Уже последовало, – вдруг заволновался Тпей. – Простите, леекелам... Продолжим беседу в другой раз... если будем живы... О нас не беспокойтесь... Лучше позаботьтесь о своей безопасности... Еще раз простите... – И изображение исчезло.

Было это произнесено скороговоркой и в крайнем волнении, столь не свойственном эксцентриотам – этим олимпийцам из олимпийцев.

Вдруг брызнула ослепительная колючая вспышка. Затем – вторая, третья... А спустя мгновение до нас донесся многократный чудовищный грохот, что серьезно угрожал барабанным перепонкам даже сквозь надежную изоляцию корабельной обшивки... Что-то продолговатое и еще более темное, чем ночь, с нарастающим свистом устремлялось к поверхности планеты, зарываясь в почву, затем прорастало огненными побегам. Грибообразные ядовитые плоды, мгновенно созрев, падали обратно в небо.

– Вал Пет! – простонал астроном Сан Тон и он же руководитель экспедиции. – Мигом – в рубку! Задействуй экран силовой защиты!..

Вскоре установка электромагнитной защиты сработала – наружные звуки стали более приглушенными, а свет, фильтруясь силовым полем, приобрел мягкую фиолетовую окраску. Хотя теперь мы были в полной безопасности, однако мы не чувствовали себя особенно уютно, когда иная бомба падала на прозрачный потолок астрономического отсека.

Только за час-полтора до восхода светила бомбежка прекратилась: сбросив смертоносный груз, космические пираты удалились прочь, будучи уверенными, что с эксцентриотами покончено.

Строго говоря, увидеть «солнце» в этот день нам не удалось. Не показалось оно и на завтра – плотная взвесь радиоактивной пыли прятала его от наших взоров на продолжении многих месяцев.

Бессонная, полная тревожных ожиданий ночь не прошла для нас даром; опустошенные нравственно и вконец измотанные физически, мы находились в состоянии, граничащем с обмороком.

Было за полночь, когда мы начали приходить в себя.

Первым на ногах оказался Сан Тон; когда я открыл глаза после сна, больше похожего на оцепенение, он неподвижно стоял перед иллюминатором, закинув руки за спину, и что-то пытался рассмотреть в мутных багровых сумерках. Затем поднялись с кресел физик Пар Вел, биолог Ну Вал и второй навигатор Вал Пет и молча стали рядом с шефом. Я же продолжал лежать в кресле и от нечего делать рассеянно смотрел на хитроумный «вентилятор», что стоял на пластиковом столике рядом с миниатюрным секстаном и опрокинутым сифоном.

Интереса никакого я не испытывал к этим предметам – смотрел только потому, что они маячили у меня перед глазами.

Вдруг лопасти «вентилятора» дрогнули, завертелись, набирая обороты, оглушительно взвыл зуммер...

Космические пираты потрудились основательно. От прекрасной высокой цивилизации наверняка не осталось камня на камне... Словом, гибель эксцентриотов мне представлялась неизбежной; аналогичное мнение сложилось и у моих товарищей.

Мы замерли в ожидании. Едва образовался полупрозрачный диск, тотчас возникло лицо Тпея; обычно мраморно-белое, в этот раз оно имело цвет хорошего загара.

– Добрый день, лее-келам, – приветливо сказал эксцентриот, весело улыбаясь; глаза его сияли голубым пламенем, что свидетельствовало в лучшие времена о его безоблачном настроении.

Мы промолчали, будучи не в силах справиться с шоком.

– Рад вас видеть в полном здравии, – продолжал эксцентриот.

– Вы-то живы? – с трудом выдавил из себя Сан Тон, начиная обретать дар речи.

– Как видите.

– Я имею в виду не только вас, Тпей-келам!

– Я вполне вас понимаю.

– Вы хотите сказать, – уточнил Пар Вел, – что из этой ночной переделки эксцентриоты вышли целыми и невредимыми?

– Да.

– Все?

– Все.

– До единого?

– До единого.

– Невероятно! – воскликнул биолог Ну Вал, мысленно похоронивший все живое на планете.

– Больше того, – пообещал эксцентриот, решив до конца быть откровенным, – в результате этой «переделки», как удачно выразился Пар-келам, мы приобрели весьма ценное качество – презрение к воде. Теперь вы легко поймете, – помолчав, продолжал он, – почему мы столь тщательно и последовательно скрывали от вас все, что касалось нашей биологии, словно речь шла о некоей военной тайне. В сущности, как оно и было на самом деле. Судите сами: будучи осведомленными о нашей патологической водобоязни, существование которой, благодаря своей исключительной бдительности, нам удалось утаить от вас, прошлой ночью неприятель применил бы не ядерное оружие, а... обыкновенную воду. И он, несомненно, добился бы

большого. В окиси водорода мы способны были растворяться столь же эффективно, как и ваша углеводная масса, которую вы именуете сахаром. – Он снова помолчал. – В связи с существенными изменениями, что произошли в нашей физиологии, многие теоретические и практические поиски ученых теперь лишены смысла. В том числе – и ранее казавшаяся неотложной проблема ликвидации атмосферы, в которой, как известно, совершается круговорот воды, отныне не представляющей для нас ни малейшей опасности...

1974

Летучая мышь

Астроном Аниссилим долго и сосредоточенно, словно зачарованный, смотрел в объектив самодельного телескопа; неподвижный и грузный, он казался некоей дополнительной деталью этого примитивного инструмента.

Наконец он устало откинулся на спинку вращающегося кресла, закрыл глаза, по-видимому, для того, чтобы унять резь, появившуюся от переутомления.

– Геннилим, – позвал он тихо, продолжая сидеть с закрытыми глазами. – Геннилим...

Астроном Аниссилим не один был в башне: в алькове за дощатым столом, на котором стояла коптящая плошка, сидел невысокий худенький паренек лет девятнадцати – двадцати; светлые волнистые волосы ниспадали на его острые узкие плечи; то и дело тыча в чернильницу гусиным пером, он что-то торопливо писал на клочке не то папируса, не то пергамента.

– Я здесь, учитель, – отозвался он, поднимаясь с табуретки, что своим истошным скрипом пыталась заглушить его негромкий голос.

– Как твои расчеты?

– Утешительного мало, учитель.

– Стало быть, столкновение неизбежно?

– Да, учитель.

– Когда это случится?

– Ровно через семь суток.

Помолчали.

– Высока ли температура Облака? – осведомился старый астроном некоторое время спустя.

– Судя по спектру – тождественна звездной.

Астроном Аниссилим зябко повел плечами и, открыв глаза, участливо посмотрел на юношу; тот стоял посредине не слишком

уютного помещения и весь вид его выражал обреченность положения, из которого он не видел выхода.

Старый астроном поднялся с вертушки.

– Дай-ка я проверю твои расчеты, Геннилим, – сказал он мягко. – Может, еще не все потеряно...

– Пожалуйста, учитель, – промолвил молодой человек, подавая записи. – Это единственный случай, когда мне хочется, чтобы в мою работу вкралась ошибка...

На это астроном Аниссилим ничего не сказал; он взял из рюкзака бумаги, заполненные математическими символами, и тяжело вздохнул; столь же тяжелыми были и его шаги, когда он возвращался к своему письменному столу, находящемуся рядом с телескопом, шаркая растоптанными башмаками.

Нет, ошибок не было. Геннилим их давно не делал.

Приговор вынесен!

Только теперь старый астроном почувствовал, как бесконечно он устал; мучительно заныла поясница, напоминая о застарелом радикулите; потяжелевшая голова, которой полагалось находиться наверху, вдруг покинула свое привычное место. Чтобы не уронить голову еще ниже, он, расставив локти, подпер ее с обеих сторон дрожащими кулаками. Сказались тревоги и напряженная работа последних дней, давали себя знать бессонные ночи, проведенные у телескопа.

– Это конец, Геннилим, – сказал он голосом человека, который лишился последнего, что имел, – надежды.

И как эхо:

– Да, учитель.

В течение нескольких минут астроном Аниссилим не подавал признаков жизни.

– Геннилим, – внезапно поднял он голову.

– Да, учитель?

– Геннилим, – повторил он машинально; ему, несомненно, было что сказать, он лишь обдумывал, как это сделать.

– Я слушаю тебя, учитель?

– Геннилим, мы рано опустили руки. Наше положение не столь безнадежно, как утверждают твои безупречные вычисления.

У юноши округлились глаза.

Неужто старик спятил от страха? – подумал он не слишком почтительно. – Вот бедолага...

А вслух сказал:

– Разве планете Кьююю больше не угрожает опасность? Или ты надеешься, что Облако пройдет стороной? Окажется не столь «горячим», как мы полагаем?

– На этот счет я не питаю иллюзий... Как быстро летит Облако, Геннилим?

– Со скоростью трехсот тысяч километров в секунду, учитель.

– Прекрасно!

– Прекрасно?! – ошеломленно переспросил юноша. – Я не вижу в этом ничего утешительного... Напротив, чем быстрее приближается к нам Облако, тем меньше времени остается у нас на размышление.

– А я вижу!

– Впрочем, даже если бы впереди были годы, все равно мы ничего не смогли бы придумать для своего спасения.

Астроном Аниссалим задумчиво посмотрел – сначала на глухую стену, что маячила перед ним, затем на своего скептически настроенного помощника.

– Тебе, Геннилим, не доводилось прыгать сквозь сплошное пламя? – будто бы нестати осведомился старый астроном, подумав. – Со мной это случалось. В молодости. На загородном пикнике. И ты, говоришь, прыгал? Правда, замечательный аттракцион? Замечательный, прежде всего тем, что из полымя ты выходишь целым и невредимым. И в самом деле, огонь, эта коварнейшая из стихий, почему-то тут тебя не трогает, щадит на тебе даже льняную сорочку... и твой вихор... Или вот еще... Впрочем, достаточно и одного примера. Отчего это происходит, Геннилим?

Молодой человек уже не был уверен, что слышит бред сумасшедшего.

– Я, кажется, начинаю понимать, к чему ты клонишь, учитель...

– Наконец-то!

– Ты полагаешь, что встреча Кьююю с Облаком окажется настолько короткой?..

– Неправдоподобно короткой, – уточнил старый астроном. – Почти мгновенной...

– ...что оно ей, – продолжал юноша, – не причинит?..

– Почти не причинит, – поправил старый ученый. – В общем, – резюмировал он, – благодаря фактору скорости наша старушка Кьююю может перепрыгнуть через космическое полымя целой и невредимой...

– Пожалуй, может, – согласился юноша.

– Но я сказал «почти»... Катастрофических опустошений, по-видимому, избежать не удастся... Но люди могут спастись...

– ...если они уйдут достаточно глубоко в землю? – догадался юный астроном.

– Да, Геннилим. Для этой цели можно использовать погреба, овощехранилища, пещеры... Для этого хороши сырые королевские темницы, зловонные клоаки, катакомбы...

Астроном Аниссилим помолчал, чтобы перевести дух: для старого человека столь же утомительна торопливая беседа, как и быстрая ходьба. И молодой человек воспользовался паузой:

– Но прежде чем искать убежища, люди должны испытывать в них насущную потребность...

– Само собой, Геннилим. Иначе они не станут добровольно заселять царские застенки и вонючие клоаки, от которых крысы и те держатся подальше. Люди это сделают охотно, если им рассказать о том, что их ждет в недалеком будущем.

– Рассказать? Каким образом? Королевство велико, а срок мал: мы не успеем побывать в каждом дворце, доме и лачуге?

Губы старого астронома впервые тронула слабая улыбка.

– Это и не нужно, Геннилим. И не только потому, что не успеем. Нам могут не поверить, приняв нас за шарлатанов или за сумасшедших. Это сделают, юноша, королевские курьеры. Сотни, тысячи королевских курьеров.

Юноша вздрогнул.

– Ты хочешь сказать, учитель, что нам с тобой придется идти к Владыке? – осведомился он упавшим голосом.

– Придется, Геннилим, придется, – со вздохом подтвердил старый астроном. – И немедленно. Сию минуту.

Дворец Горрендылима X не обременяли архитектурные излишества. Чужда ему была и та очаровательная простота, что свойственна домам не особенно зажиточных горожан и жилищам окрестных селений. Сложенный из исполинских глыб тесаного песчаника в виде уступчатой пирамиды, он был внушителен и мрачен, словно древняя усыпальница. Отсутствие окон еще больше усиливало это невеселое впечатление.

Собственно, это и была усыпальница, превращенная Горрендылимом X в королевский дворец: рядом с апартаментами царствующей семьи были погребены останки тех, кто царствовал раньше.

Король Горрендылим X был большим оригиналом.

Он вступил на престол в возрасте шестидесяти лет; первое, что сделал, став королем, это отрекся от всех своих предков и от их обычаев, сложившихся за многие столетия.

Затем он совершил еще более кощунственный поступок – поселился в фамильной усыпальнице.

Но его легко понять: ему слишком долго пришлось ходить в принцах, и это испортило его характер.

Еще легче догадаться, каков он был со своими подданными.

С этим-то чудовищем и предстояло встретиться нашим злополучным астрономам.

Обсерватория, о коей шла речь вначале, располагалась на одном из холмов, что в большом количестве окружали царскую усыпальницу. Чтобы добраться до королевской резиденции, нужно было лишь спуститься вниз и пересечь по диагонали небольшую площадь.

Дольше и сложнее было попасть во дворец, что охранялся многочисленной стражей – несокрушимой броней из кирас и внушительным частоколом копий.

Астрономы спустились с холма, поросшего лиственными деревьями, и с опаской ступили на площадь – в щелях между плохо подогнанными плитами вольготно разрослась крапива вперемежку с чертополохом.

С еще большими опасениями они подходили к усыпальнице: бывали случаи, когда кирасиры пускали в ход копьё без предупреждения.

Не обошлось без копий и в этот раз; прежде чем ходки добились высочайшей аудиенции, они трижды пересчитали ступени, с которых спускали их не в меру ретивые царские церберы.

Сложив колесом ноги, Горрендылим X сидел на спинах нескольких подданных, растянувшихся на каменном полу и изображавших отсутствующий трон. Две обнаженные женщины, изящные и сосредоточенные, держали над головой монарха тяжелую золотую корону, все время следя за тем, чтобы она не касалась его жидких седых волос. В тронном зале, который предназначался для склепа, было неуютно и сумрачно, несмотря на сотни одновременно чадающих плашек.

В эту-то убогую дыру и впихнули старика и юношу; в интересах безопасности августейшей особы их связали по рукам и ногам; они лежали на сырых холодных плитах и не смели издать звука до особого на то изволения.

К счастью, король отличался любопытством и нетерпением базарной торговли и этого «изволения» долго ждать не заставил.

– Что надо? – осведомился он и, вытянув кадыкастую шею, приготовился слушать; голос его был гундосым, сиплым и слабым, но в могильной тишине, нарушаемой лишь тяжелым дыханием рабов, что выполняли функции королевского трона, он прозвучал достаточно разборчиво.

Астроном Аниссалим поднял голову.

– О мой тиран! – начал он в соответствии с церемониальной формулой, введенной Горрендылимом X наряду с прочими его нелепыми реформами. – О мой дракон, выслушай меня...

– Говори, – смиловился король.

Осмелев, старый астроном поднялся на колени.

– О мой кровопиец, о мой мучитель! Я астроном Королевской обсерватории, а прежде всего – ничтожный червь и прах под твоими стопами, – торопливо говорил он, словно боялся (и не без основания), что его могут прервать раньше, чем он изложит суть дела. – Буду краток. Исследуя с помощью оптического аппарата ближайшее небо, мы с моим помощником, которого ты, о мой изверг, видишь рядом со мной, несколько дней тому назад обнаружили загадочное Облако...

– Облако?! – тоненько просипел король и с минуту тупо и ошеломленно безмолвствовал. Затем, капризно топнув ногой, истерично закричал: – Достаточно! Убирайтесь!

– О мой истязатель! – всполошился старый звездочет. – Позволь мне высказать главное...

Горрендылим X снова помолчал на этот раз довольно долго.

– Продолжай! – прогнусаливл он наконец. Однако, вспомнив про любимых двенадцатиглавых драконов, которые еще не были кормлены, с угрозой, что не обещала ничего хорошего, поспешно добавил: – Да покороче!

– Так вот, – собираясь с мыслями, продолжал астроном. – Э-э-э... Облако не стоит на месте... то есть движется... и Кьююю на его пути... Словом, столкновение неизбежно. Произойдет это ровно через неделю. Поскольку оно обладает чрезвычайно высокой температурой, планету охватит всемирный опустошительный пожар... Королевство и мы с тобой, о мой могильщик, вспыхнем, словно сухая лучина, если...

Тут короля точно подбросило.

– Что-о-о?! – взревел он, дико вращая белками глаз и бегая по живому ковру. – Смутьяны! Шарлатаны! Вы кличите беду на мое королевство!..

– О господи! – простонал старик. – Мы-то тут при чем! Облако...

Но взбешенный монарх и слышать ничего не хотел.

– Стража!

– О мой!..

– Стража! – повторил тиран, когда с полсотни обладателей кирас и копий выстроилось около него в ожидании дальнейших указаний. – В вольер этих несчастных! Хотя... постойте... старика бросьте в темницу: все равно эту падаль драконы есть не станут...

Астрономы ничего не напутали; их прогнозы оказались верными, расчеты – точными. Облако и Кьююю встретились.

Планета не разлетелась на куски, не остановилась, даже не вздрогнула; она продолжала вращаться вокруг светила и собственной оси, повинуюсь законам небесной механики, как продолжает стоять иное засохшее дерево, хотя жизнь в нем давно и необратимо угасла...

Ничего не уцелело, ничто не спаслось – ни души, ни колоска, ни семени...

Гибель была полной.

И повсеместной.

И мгновенной. Столь мгновенной, что те из обитателей планеты, кому полагалось спать ночью, даже не успели проснуться, а полуночные петухи на ближайшей ферме пропели свое «кукареку» только наполовину.

И все же на планете Кьююю живые были.

Речь идет не о старом астрономе Аниссилеме, брошенном в подземелье королевскими кирасирами, и не о самом короле, который правильно сделал, что заранее перебрался в усыпальницу...

Это были представители иного разума.

Пришельцы поражали, прежде всего, своими размерами. Один из инопланетян, что ничем не отличался от своих сородичей, сидел верхом на царской усыпальнице, которая считалась самым крупным сооружением своего времени. Колосс Родосский годился бы ему в игрушки, если бы он вздумал потешиться.

И все-таки они напоминали человека. Возможно, тем, что, передвигаясь, сохраняли вертикальное положение.

Над головами этих странных существ неподвижно висел громадный шар оранжевого цвета – это были остатки того смертоносного Облака, что в одно мгновение превратило цветущий

мир в бесплодную пустыню. В центре шара, отливая зеленым, мерцала ослепительно яркая звездочка.

– Старый Кхедд не торопится восстанавливаться, – сказал один из пришельцев, махнув рукой в сторону оранжевого шара с зеленой звездочкой посередине.

– Верно, – охотно отозвался другой, что стоял рядом. – Дальше кристаллизации гипофиза дело у него почему-то не движется...

Одобрительно посмотрев на товарища, первый снова заговорил:

– Старина Кхедд слишком много подвергал себя плазменной биоэмиссии: это, насколько я помню, его семисотое путешествие... и, боюсь, последнее. Существуют пределы...

– Для каждого организма они разные... Может быть, он еще интегрируется...

Помолчали. Но недолго. Тот, что заговорил первым, поднял семипалую руку, чтобы привлечь к себе внимание.

– Я полагаю, – сказал он, повернувшись к сидевшему на усыпальнице, – пора приниматься за сбор информации, что ты скажешь на это, Ведущий?

Ведущий отозвался не сразу.

Кхедд не простит им, – подумал он, обратив один из трех глаз в сторону оранжевого шара. – Никогда не простит, если они приступят к работе, не дождавшись его восстановления. Что ж, пусть поступает, как ему угодно. Уж лучше упреки старого Кхедда, чем немилость Снарядивших, которые вместе с напутственным благословением всучили им жесткие сроки и слишком обширную программу исследований.

И грош цена им будет, если они не выполняют ее.

Столько же будет стоить и переставшая существовать галактика, чья энергия была потрачена на разгон Облака, в которое превратилась их плоть с помощью биоизлучателя.

Ведущий поднялся.

– Да, пора, – проговорил он наконец. – Желаю успеха. Встретимся тут же, – добавил он.

Инопланетяне разошлись в разные стороны.

Отсутствовали они ровно месяц.

Первым к исходному месту пришел тот самый Кхедд, чье восстановление несколько запоздало. Он сел на усыпальницу королей и, низко склонив голову, принялся рассматривать какой-то серый трепещущий комочек, что лежал у него на ладони.

Вскоре собрались и все остальные.

Поглощенный изучением того, что лежало у него на ладони, Кхедд очнулся только тогда, когда услышал голос Ведущего.

– Мы знаем два метода исследования, – говорил Ведущий. – Комплексный, когда количество специальностей соответствует числу Исследователей, и так называемый секторальный, когда все эти специальности представлены в лице одного Исследователя.

Первый был хорош в полевой практике наших отдаленных предков, ограниченный мозг которых еще не был в состоянии вместить информацию в совокупном объеме.

Современные исследования, – продолжал Ведущий, – осуществляются с помощью секторального метода как наиболее рационального и целесообразного.

Сущность нынешнего метода заключается в следующем: исследуемая планета условно разбивается на отдельные участки или секторы (отсюда и название «секторальный»), количество которых зависит от числа Исследователей, обладающих знаниями многих десятков различных специалистов времен комплексного метода; сбор информации осуществляется со всех секторов одновременно, отчего экспедиция крупно выигрывает во времени. Это преимущество секторального метода.

Однако нам известны и его недостатки. Дело в том, что важнейшим условием этого метода является строгое ограничение интересов Исследователя пределами одного сектора. Это обстоятельство, в случае гибели одного из Исследователей, способно свести на нет усилия всей экспедиции. Для того, чтобы сохранить результаты исследований во всем объеме, – добавил Ведущий, – по окончании полевых работ Исследователи обязательно обмениваются впечатлениями. Это традиция, достойная всяческого одобрения и подражания... – Он озабоченно и тревожно посмотрел на небо, ища глазами запаздывающую ракету с аппаратурой биоплазменной эмиссии, которая излучит их домой, погасив ближайшую галактику. Чтобы скрыть свои чувства от товарищей, он наигранно бодро добавил: – Начнем с первого сектора...

– Первый сектор. Рельеф неровный, холмистый – типичный для малых холодных планет. Между холмами наблюдается глубокая ветвящаяся борозда, идущая с юга на север: вдоль нее сочится прозрачная жидкость, представляющая собой окись водорода с незначительным количеством минеральных солей. Замечены выходы неорганического кремния. Химический состав почвы чрезвычайно разнообразен...

– Второй сектор...

Второй сектор информировал о «каких-то странных зеленоватых образованиях, которые, если их подвергнуть высокой температуре, тотчас превращаются в сероватую сыпучую массу, что легко растирается в ладонях. Эти загадочные образования обнаружены в глубокой расселине...».

Обмен впечатлениями продолжался в течение четверти кьююянских суток – ровно столько, сколько было предусмотрено программой. За это время было заслушано семьсот пятьдесят невероятно скучных докладов, причем в девяти случаях из десяти речь шла то о выходах «неорганического кремния», то о «странных зеленоватых образованиях, которые, если их подвергнуть высокой температуре, тотчас превращаются в сероватую сыпучую массу, что легко растирается в ладонях...»

Одним из последних докладывал сам Ведущий.

– Мне нечего прибавить к тому, что тут уже было сказано, – бросил он небрежно. – Впрочем, все и так ясно...

Кхедд взглянул на оратора всеми тремя глазами, горящими ярким фиолетовым огнем, что выражало высокую степень недоумения.

– Что тебе ясно, Ведущий? – Он впервые поднял голову.

– То, что наши поиски инопланетного психозоя снова потерпели полное фиаско.

– Но нас интересует не только разум. Мы могли бы поздравить себя и с простейшими формами жизни, – заметил Кхедд.

– Могли бы, – согласился Ведущий. – Но их тут нет, этих «простейших форм жизни». Планета слишком мала и холодна для этого...

– Да, для жизни, базирующейся на кремниевой основе, здесь действительно неподходящие условия, – в свою очередь согласился Кхедд, вставая.

Ведущий снисходительно усмехнулся, однако промолчал.

– Но для углеродной, – продолжал Кхедд, – они, несомненно, в самый раз...

– Ты неисправим, Кхедд, – мягко упрекнул Ведущий. – Я полагал, что со злополучной экстраполяцией биологии на всю таблицу элементов ты уже покончил...

– Речь идет об углеродной жизни, – уточнил тот.

– Ох уж этот углерод... Согласно твоей теории, последствия наших визитов крайне катастрофичны для всего живого, связавшего свою судьбу с этим неустойчивым элементом...

– Наконец-то ты кое-что понял...

– Тогда почему ты согласился, Кхедд, принять участие в еще одной экспедиции?

– Именно поэтому.

– Нелогично. Еще можно было тебя понять, когда ты пытался проташить проект закона о запрещении космических исследований с использованием так называемого «биоплазменного эффекта»... правда безуспешно.

– Верно. Тогда у меня ничего не вышло. Зато теперь ты можешь поздравить меня с двойной победой.

– Так ты уничтожил установку биоплазменной эмиссии?! – простонал Ведущий.

– Да. И раздобыл наконец неоспоримый аргумент, свидетельствующий о существовании углеродной биологии, – сказал в заключение Исследователь Кхедд и сунул под нос Ведущему свою ладонь, на которой, мерцая крохотными звездочками глаз, конвульсивно вздрагивало нечто рукокрылое и ушастое...

Это была летучая мышь.

1974

Быть или не быть?

На темном вечернем небе, заслоня мирно мерцающие звезды, через короткие промежутки времени вспыхивал огненный текст. Люди поднимали вверх головы и... отказывались верить собственным глазам – настолько необычным было сообщение, которое они читали:

НАЧИНАЕТ РАБОТУ ВЫЕЗДНАЯ
СЕССИЯ ТРИБУНАЛА. НА СКАМЬЕ
ПОДСУДИМЫХ – ИНОПЛАНЕТЯНЕ.
ДЕЛО БУДЕТ СЛУШАТЬСЯ В
ПОМЕЩЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
АТОМНОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ.

Бесшумный орнитофер, сделав несколько витков вокруг посадочного фонаря, мягко сунулся в плоскую крышу двухэтажного загородного домика. Из машины, которая представляла собой летающее корыто с двумя сиденьями, выпрыгнул молодой человек в ярко-желтом свитере и зеленых брюках.

Тотчас из сумерек выпорхнула маленькая женская фигурка во всем белом.

– Это ты, Эр? – окликнула фигурка, появляясь в пяточке света.

- Добрый вечер, Лела, – отозвался парень, которого назвали Эром. Девушка приблизилась к юноше.
- Мне страшно, – пожаловалась она, вздрагивая.
- Все будет хорошо, Лела, – пообещал он, отлично понимая, что страхи его маленькой подружки далеко не каприз. – Ты разве одна дома?
- Одна.
- А мама Ола?
- Они с папой Лу ушли на процесс. Сразу же после службы.
- Понятно... И нам с тобой пора туда же...
- Да конечно. – Это было сказано голосом человека, вынужденного дать согласие помимо своей воли.
- Тогда полезай в орнитоп.

Когда железная птица, покачиваясь в такт плавным взмахам крыльев, набрала высоту, мысли девушки обратились – уже в который раз! – к последним событиям, что привели мир к этому необычному процессу.

Каникулы Лелы подходили к концу, и золотистый загар свидетельствовал о том, что девушка сумела воспользоваться ими наилучшим образом; она только что вернулась из увлекательного похода по Западной Билбири, здоровая, полная горделивого ощущения силы от ежедневных побед над тамошними эверестами.

Остаток школьного отпуска – целых пять дней! – она, по обыкновению, намеревалась провести в папиной обсерватории, разгадывая космические ребусы, доставляемые в изобилии радиосигналами искусственного происхождения.

Она первая обратила внимание на радиосигналы, идущие от альфы Лиры; с помощью кослинга и собственной сообразительности расшифровала множество ценной информации, что была передана на пяти лингвистических системах, получивших общее название Вегианских диалектов.

Рассвет, предвестник наступающего дня, прогнал из спальни остатки ночи, когда оглушительно затрещал допотопный механический будильник.

Лела подняла с подушки голову, ничего не понимая спросонья.

– Мне же к папе в обсерваторию!.. – спохватилась она, освобождаясь от одеяла.

Утро было сырое и прохладное; однако клочковатый туман, застрявший в кронах прибрежных деревьев, обещал ясный жаркий день.

Размахивая полотенцем, девушка делала пробежку по тропинке, ведущей к ее излюбленному омутку; ее ноги ритмично шлепали по лужам, которые остались после вчерашнего ливня.

Ступив на берег, она озадаченно оглянулась: у нее возникло ощущение, будто в знакомом с детства пейзаже не хватает чего-то существенного. И вдруг сообразила, чего именно – болванов...

Речь идет об исполинских каменных статуях, известных среди археологов как Оранжевые истуканы.

– Неужто у меня галлюцинации?! – ахнула девушка. – Или я вижу сон, снова заснув после того, как перестал трезвонить будильник? – Она помотала головой, пытаясь вытрясти из нее кошмары. – Да нет, я вижу... Вернее, не вижу истуканов... в яви...

До истуканов, точнее, до того места у подножия сопки на противоположном берегу Камышенки (таково название маленькой речушки, почти ручья), где они находились до сего времени, было не более четырехсот метров; это расстояние девушка одолела одним духом...

Итак, истуканы исчезли. Однако исчезли не бесследно: на месте их недавнего пребывания она обнаружила глубокие свежие ямы, точно кто-то, еще более мощный, выдернул болванов из земли, как морковку. От этих ям тянулись цепочки ямок поменьше: стало быть, истуканы ушли, и менее глубокие ямы – это их следы... которые Лелу привели к урановым выработкам...

Спуск в штольню начинался с ряда террас, на коих в свое время были установлены консоли кранов, транспортеры и прочее рудничное оборудование; в настоящее время ничего этого не было.

С большими предосторожностями, чтобы не потревожить щебенку, Лела преодолела несколько террас-ступеней. Затем намеревалась спуститься еще ниже, но тут увидела беглецов (во мраке подземелья они испускали опалесцирующее сияние); согнувшись в три погибели (им в шахте было тесно, как взрослому человеку в собачьей конуре), истуканы сидели друг против друга и, точно выброшенные на берег рыбы, беззвучно шевелили челюстями: со стороны это смахивало на кадр из немого кино, изображающего двух заговорщиков, о криминальной беседе которых зритель узнает из литер, вынесенных на экран... Словом, девушка видела болванов, но не слышала их. Не слышала их потому, догадалась она, что они,

разговаривая, использовали звуки, частота которых находилась за пределами диапазона, слышимого человеком.

Девушка выбралась из штольни и решительно зашагала прочь, словно неудача с подслушиванием ее вполне устраивала.

Дома уже никого не было.

Мельком взглянув на остывший завтрак, от которого у нее засосало под ложечкой, Лела быстро прошла к себе в комнату, затем бросилась на кушетку, минуты две-три полежала без движения с закрытыми глазами.

Девушка собиралась с мыслями.

Итак, Истуканы оказались далеко не тем, чем их до сих пор считали специалисты и обыватели.

Это живые, возможно, высокоразвитые существа, которые до поры до времени из каких-то соображений маскировались под каменные изваяния.

Откуда они прибыли?

Когда?

Может быть, они тут были всегда?

Об Оранжевых истуканах упоминается еще в так называемых «Агеевских хрониках» – в записях путешественника Агея, жившего во второй половине первого века до нашей эры.

Если вторглись, то зачем?

С какими целями?

Судя по камуфляжу – с недобрыми... Хотя – кто знает?..

Так или иначе они должны быть изолированы, прежде всего – выяснено, каковы их намерения.

Нужно сообщить в город; руководству лучше знать, как поступить с пришельцами в данной ситуации; но на проволочки уйдет уйма времени...

Буду действовать самостоятельно, – решила Лела. – И немедленно. Тем более, что от неудач ни я, ни руководство не застрахованы, поскольку мне и руководству предстоит иметь дело с инопланетянами впервые.

На этот раз Лела была более благоразумной – не бросилась очертя голову. Конечно, она не могла позволить себе сесть за стол и спокойно съесть все, что мама-Ола приготовила ей на завтрак. Однако на то, чтобы выпить стакан кофе с бутербродом, она найдет время. Натянув на ноющие от ссадин ноги прочные и удобные башмаки, она торопливо вышла из дому. У нее на плече многообещающе болтался кослинг.

В тот же день в вечерних газетах появилась маленькая, но достаточно емкая по содержанию, заметка. Набранный аршинными литерами, заголовок гласил:

КАМНИ ЗАГОВОРИЛИ ОРАНЖЕВЫЕ ИСТУКАНЫ УГРОЖАЮТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ ЛЕЛА НАР ОБВИНЯЕТ

Едва заметка Лелы попала на стол редактора одной из газет, который наверняка родился в сорочке, тотчас около упомянутой штольни собралось до десятка разных экспедиций, и первыми, разумеется, были журналисты и видеотехники. Спустя некоторое время там начала сосредоточиваться и военная техника, что на этот случай была извлечена из исторических музеев; впрочем, вся эта рухлядь, с которой никто не умел обращаться, была очищена от пыли и ржавчины с единственной целью – произвести впечатление на незваных гостей и внушить почтение к тем, кто ею обладает.

Эр посадил орнитоптер на крышу Государственной атомной электростанции, втиснув его между другими летательными аппаратами. Девушка прыгнула с машины и, не мешкая, направилась к ближайшему лифту.

Поднялся председатель суда, тучный флегматичный мужчина лет пятидесяти, с огромным совершенно лишенным растительности черепом, с уродливо короткими ногами; последнее стало очевидным, когда он сполз со своего массивного, троподобного кресла, чтобы открыть заседание.

– Каждый из нас «законодатель» или «нарушитель закона», – начал он вялым хриплым голосом, глядя на графин с водой и хлопая себя по бокам ладонями, точно петух крыльями, прежде чем прокукарекать. По-видимому, таким способом оратор пытался взбодрить себя. И, надо сказать, это ему удалось: когда он заговорил снова, речь его звучала значительно тверже. – Да. И что это так, свидетельствует существование Трибунала. Конечно, «законодателей» неизмеримо больше... Однако сила современного правосудия не только в количестве «законодателей» но и, и это самое главное, в гуманности и объективности его методов. Да. Судя по тому, как преступлений становится все меньше, в будущем ни «законодателей», ни «нарушителей закона» на Кьююю не будет. – Тут председатель

снова проделал свои возбуждающие упражнения. – Но со злом и тогда придется сталкиваться: оно пожалует к нам извне. Да! И сегодняшний процесс – тот самый случай...

Слушатели, заполнившие до отказа обширное помещение станции, в этом месте облегченно вздохнули, ошибочно приняв паузу за долгожданный конец затянувшегося вступления.

– Согласно теории множественности разумных миров, которая, кстати, начинает получать фактическое подтверждение, – продолжал председатель, выпив полграфина воды, – кьююянская цивилизация – далеко не единственная цивилизация во Вселенной. Следовательно, на известном этапе своего развития, ну, скажем, при выходе в космос, соприкосновение двух подобных миров – явление неизбежное. И мы готовы к такой неизбежности, готовы к контакту с инопланетной культурой, даже в том случае, если биологические основы ее представителей несколько отличаются от наших. Мы ничего не имеем против сотрудничества с инопланетной цивилизацией, если оно полезно, выгодно для обеих сторон. Да. Но мы против, решительно против... вероломного, насильственного вторжения. Подобного тому, что осуществили Оранжевые истуканы, побуждаемые явно недобрыми намерениями... – Он чуть помолчал. – Однако как далеки мы иногда от истины в оценке памятников культуры!.. Но, – оборвал себя председатель, – научные промахи оставим самим ученым. Да. Э-э-э... надо сказать, криминалистике, заинтересовавшейся истуканами после археологов, повезло, несомненно, больше... Впрочем, чего добились криминалистика, расскажет в своей обвинительной речи общественный обвинитель Лела Нар. Ей и предоставляю сейчас слово! – торжественно провозгласил он в заключение и запрыгнул на свой высокий (во всех отношениях) трон с ловкостью, неожиданной для его далеко не спортивной комплекции.

Лела тотчас поднялась на трибуну. Прежде чем запустить магнитную ленту, на которую она делала главную ставку, девушка, судя по всему, намеревалась сказать несколько слов. Но волнение мешало ей сосредоточиться. На тот случай, если в голове что-нибудь забрезжит, она даже немного приоткрыла рот. Но слова не шли с языка, точно присохли к нему. Впрочем, скоро она овладела собой. Ответив чуть заметным взмахом ресниц на ободряющий кивок Эра, которого она нашла в притихшей толпе, девушка бросила взгляд на экран видеосубсервата. На мониторе крупным планом были показаны инопланетяне, сидящие в недрах смертоносного, специально приспособленного для них атомного реактора. А им хоть бы что! – подумала она, вздрогнув.

– Прошу слова, – поднялся защитник, энергичный статный молодой человек в оранжевой одежде.

Что это ему приспичило? – недовольно подумал председатель, однако просьбу удовлетворил.

– Слово предоставляется адвокату... э-э-э... как вас там?.. Говорите, – махнул он рукой.

– Я должен обратить внимание присяжных, – объяснил защитник с некоторым опозданием, – на формулировку «насильственное вторжение», безответственно брошенную председателем суда в адрес подсудимых. Я протестую и буду протестовать в дальнейшем против подобных необоснованных заявлений, порочащих моих подзащитных и само кьююянское правосудие...

– Не слишком ли пристрастно, уважаемый коллега? – заметил председатель и повернулся к Леле Нар, считая, по-видимому, инцидент исчерпанным. – Пожалуйста, Лела Нар...

Но адвокат думал иначе.

– Прошу слова! – быстро сказал он и, не дождавшись разрешения, добавил: – Страстность и пристрастность – совершенно разные вещи. Говоря о моем отношении к подзащитным, надеюсь, председатель хотел сказать «страстно»? Если это так, то я ничего не имею против... Кстати, моя страстность вытекает из вполне понятных побуждений быть объективным и принципиальным; тот, кто заподозрил меня в сочувствии к Оранжевым истуканам, жестоко ошибается.

– И все-таки я не отказываюсь от своих слов. Мы вас слушаем, Лела Нар...

– Прррошу слова! – зарычал адвокат, явно выходя из себя. – Пррринципы... – конец реплики потонул в неистовом трезвоне председательского колокольчика.

После того, когда председателю надоели упражнения с бронзовой безделушкой, неостроумная перепалка возобновилась; кончилась она тем, что одному из оппонентов срочно понадобилась валерьянка.

Раньше в практике суда подобного инцидента не было. Впрочем, инопланетяне на скамье подсудимых тоже впервые.

Несмотря на лошадиную дозу валерьянки, выпитой в сочетании с остатками воды, председатель пришел в себя далеко не сразу; зато, едва это случилось, он тотчас вспомнил об обязанностях, возложенных на него гражданским долгом.

– Слово предоставляется... э-э-э... общественному обвинителю...

На этот раз девушка не теряла даром времени; хотя то, о чем она рассказывала, было всем известно из прессы и видеопрограмм, ее слушали с огромным интересом.

В целях экономии времени читателя и типографской краски, мы опустим тот кусок из ее рассказа, где она повествует о событиях, уже достаточно известных нам из авторских ремарок.

– ...И вот я снова в штольне, – говорила Лела. – Я не ошиблась: это действительно был ультразвук. Теперь я слышала истуканов – плавная, довольно музыкальная и богато интонированная речь, единственным недостатком которой было то, что я ее совершенно не понимала. Но не отчаивалась: я не переоценивала возможностей кибернетического помощника лингвиста и не питала иллюзий, что с помощью случайной комбинации символов, набранных на варианте, мне тотчас удастся достичь желаемых результатов.

Но мне повезло.

Выручило меня следующее обстоятельство. Анализируя поступавшие из кослинга звуки, я неожиданно пришла к выводу, что нечто подобное где-то когда-то уже слышала. Поскольку в космической лингвистике я обладала довольно скромным опытом и имела дело только с Вегой, то мне ничего не оставалось, как предположить, что передо мной один из Вегийских диалектов.

Мои предположения немедленно подтвердились.

Словом, теперь я не только слышала, но и понимала. А поняла я вот что. Оранжевые истуканы – это вовсе не уникальные памятники древнейшей культуры Кьююю, как полагали раньше, а живые существа, обладающие чуждой нам психикой и биологией, пришедшие из космоса. Нас ввела в заблуждение их продолжительная неподвижность, сходная с летаргическим сном или анабиозом. Да эти камни живее живых; к тому же они преследуют цели, о коих мы имеем весьма смутное представление. Речь идет о каком-то чудовищном эксперименте, по окончании которого человечество неминуемо прекратит свое существование...

Девушка перевела дыхание.

– Впрочем, лучше и убедительнее расскажут об этом сами истуканы, чьи невольные признания мне удалось записать на магнитную ленту. Итак, слово предоставляется Оранжевым истуканам. Разумеется, с разрешения председателя суда, – в заключение сказала она, мельком взглянув на плешивого коротконового человечка, царственно восседающего в троноподобном председательском кресле.

Тот в знак согласия наклонил голову (к нему уже вернулось прежнее самообладание, и он знать ничего не хотел о только что пережитом сердечном приступе; склянки с валерьянкой были спрятаны, а графин снова наполнен).

«...В первой заповеди Биопрограммиста говорится буквально следующее: Помни, что осуществляешь Эксперимент во имя дальнейшего процветания могучей расы ысков, для жизнедеятельности которых необходимы продукты ядерного распада. И я никогда не забывал об этом.

– Благодарю, что напомнил. Но прежде пришлось пошевелить мозгами мне, Навигатору.

– Разумеется, Фезж. Так или иначе, но, после того, как была найдена планета, недра которой были набиты делящимся веществом, Эксперимент начался. Был применен новый метод...

– ...сущность которого заключается, если я не ошибаюсь, в извлечении расщепляющегося материала с помощью искусственно выведенных существ, способных к самоусовершенствованию. Существ, запрограммированных на взаимное уничтожение, едва они достигнут ядерного уровня.

– Совершенно верно, Фезж. Это стало возможным благодаря открытию так называемой «углеродной биологии».

– Все это так, дорогой Пугч. Но, боюсь, что ничего нам не «стало возможным».

– Все в порядке, старина.

– «Все в порядке»? Тогда где летучий радиоактивный пепел, столь любезный сердцу ыска? Тогда почему не произошло этого самого «взаимного уничтожения»? Почему, почему, тысячу раз почему?!.. Молчишь?! То-то же... Лучше сознайся – ведь Эксперимент не удался, да? Может быть, ты собрался повторить его? Но это же немыслимо!..

– Немыслимо?

– Для того, чтобы повторить Эксперимент, потребуются новые миллионы лет, которыми мы больше не располагаем. Кроме того теперь на планете ядерного вещества осталось значительно меньше.

– Ничего не меньше. Судя по всему, космические полеты не получили широкого распространения у кьююян.

– А миллионы?

– Они нам не нужны.

– Значит?..

– Ничего это не значит, Фезж.

– Объясни.

– Эксперимент продолжается.

– Стало быть, повторять его не нужно? Слава богам! Это было бы чудовищным преступлением по отношению...

– ... к цивилизации, которая нам обязана своим возникновением? Это ты имеешь в виду? Кьююяне, например, не считают преступлением убий индеек и кроликов, чье существование зависит исключительно от достоинств мяса последних, которым любят полакомиться первые. Фезж, ты ребенок и ханжа одновременно. Ибо по окончании Эксперимента так или иначе обречена на исчезновение эта доморощенная технология...».

Затем выступил представитель Авторитетной экспертной комиссии, подтвердив основные пункты обвинения.

После молодого красивого адвоката, произнесшего длинную унылую, похожую на похоронное пение речь, снова взялся за дело председатель.

– Теперь суду следовало бы, – сказал он, – объявить свое сакраментальное «суд удаляется на совещание», – он возвел руки горе. – Время для этого самое подходящее. Но несмотря на всю свою демократичность и компетентность, а может быть, именно поэтому, он, суд, сегодня отступает от этого освященного тысячелетней традицией и продиктованного целесообразностью правила. Отступает во имя еще большей демократичности и целесообразности.

– Итак, на скамье подсудимых – инопланетяне, – продолжал он, дрожа от чувствительных ударов, что наносил себе по бокам локтями, пытаясь прогнать начавшую одолевать его сонливость. – Поскольку их преступные планы ставят под угрозу существование всего человечества, вынесение приговора – дело рук... э-э-э... долг чести... тоже всего человечества. Другими словами, судьями на этот раз будут все кьююяне – независимо ни от убеждений, ни от того, сталкивались ли они с формальностями судопроизводства или не сталкивались. Ни общественное положение, ни обстоятельства физической удаленности (предложения могут быть переданы по видефонным каналам, по почте и прочее) этой гражданской инициативе не помеха. Словом, суд будет осуществляться сообща.

Публика замерла в ожидании соответствующих разъяснений. Но таковых не последовало, во всяком случае тотчас – председатель сделал передышку, которая понадобилась ему для того, чтобы справиться с приступом сильнейшей жажды.

Черт побери! – подумал он раздраженно, опрокидывая вверх дном графин: под напором вольной воды судорожно задергался его плохо пробитый кадык. – Куда запропастился стакан?!

– Прежде всего, – продолжал он, торопливо вытирая подбородок рукавом пиджака, – нам нужно решить следующее:

1. Какая мера наказания полагается (и в самом деле куда запропастился стакан?) за изложенные выше преступления.

2. Каким способом привести в исполнение ту меру наказания, – тут председатель саданул себя по голому черепу (Я его, наверное, засунул в ящик стола вместе со склянками... Так и есть! Ну да дьявол с ним), – которую нам с вами надлежит установить и узаконить путем голосования.

Впрочем, в интересах экономии времени с первым пунктом мы можем покончить тут же.

В адрес Трибунала получены десятки тысяч писем; это количество ежедневно удваивается. Пишут отовсюду: из Содружества Банановых Зарослей, из Единой Манмании, из Обеих Демократических Эйэбик. Пишут полярники Леклины, участники Глубинной космической экспедиции, поселенцы осваиваемых планет Селы и Верса... Словом, пишут, звонят, телеграфируют... Да. Люди единодушно настаивают на высшей мере наказания – уничтожении... Если вы поднимете руки (суд обращается к непосредственным слушателям дела: голоса же тех, кто следит за ходом процесса посредством видеоканала, мы символически отождествим с содержанием упомянутых писем), то мы можем не мешкая, без проволочек перейти ко второму пункту.

Авторы непрекращающегося потока корреспонденции подсказали Трибуналу и способы исполнения приговора, – говорил далее председатель, когда с процедурой открытого голосования было покончено. – Способы эти столь же разнообразны, сколь многочисленны письма: от утопления в царской водке до отравления крысиным пометом. Один из них – расстрел с помощью ядерного оружия – суд считает наиболее приемлемым и выносит его на голосование. Прошу поднять руки. За? Против? Воздержавшиеся?

- Последние тоже имеются! – кто-то выкрикнул из толпы.
- Хорошо, – одобрительно заметил председатель. – У вас все?
- Что «все»? Я еще ничего не сказал.
- И не надо.
- Как так «не надо»?
- Все уже решено большинством голосов.
- Я требую слова! – не унимался голос из толпы.
- Не мешайте работать, гражданин... – попросил председатель.

– Лу Нар, – представился настойчивый слушатель. – Лулук Нар.
– Нар? – встрепенулся обладатель председательского кресла. –
Оччень пррриятно...

– Я требую слова! – повторил Лулук Нар.

– Вы, гражданин, случайно не родственник Леле Нар? –
полюбопытствовал председательствующий.

– Родственник, и не случайный.

– Конкретно?

– Отец я ее, – отмахнулся Лулук Нар. – В конце концов,
разрешите по существу?!

– Конечно, конечно...

– Я согласен: наше решение применить к обвиняемым высшую
меру наказания – совершенно справедливое решение, – начал Лулук
Нар, когда ему «в конце концов, разрешили по существу». – Но я не
согласен вот с чем: наше ли это решение? Его наверняка подсказали
нам сами же истуканы, будучи заинтересованными именно в таком
повороте событий...

Я предвижу возражение: мол, вынося приговор, мы
руководствовались логикой и только логикой. Верно. Но верно и то,
что, поскольку мы с вами представляем искусственно выведенных
особей, биологически находящихся где-то между тонкорунной овцой
и арифометром, этот инструмент, то есть логику, должны
рассматривать как один из решающих пунктов программы,
заложенной в человеческий род при синтезе... то есть при рождении.

Наверняка запрограммирован и этот самый процесс – как
практический маневр, предусмотренный на случай непредвиденного,
но вполне допустимого отклонения от программы. Возможно,
истуканы ждут не дождутся, когда поставят их к стенке и обрушат на
их головы ураган ядерных бомб и прочую пиротехнику. Вспомним
особенности их физиологии, для жизнедеятельности которой столь же
необходимы продукты ядерного распада, сколь для нас с вами набор
разнообразных аминокислот, употребляемых в пищу...

– Что же вы предлагаете? – осведомился председатель.

– Повременить с окончательным вынесением приговора: оно
должно быть сделано не раньше, чем мы выработаем новую систему
мышления, которая бы полярно противостояла логике и здравому
смыслу в теперешнем понимании...

Председатель неопределенно кивнул головой, не то соглашаясь, не
то возражая.

– Предложение отклоняется... в виду его очевидной абсурдности,
– устало сообщил он, затем, взбодлив себя привычными ударами

локтей по бокам, добавил: – Приговор будет приведен в исполнение 30 дня восьмого месяца сего года в 24 часа местного времени...

1974

Солнечники

Урок первый

В широкие окна Аудитории Космических Знаний заглянуло неяркое утреннее солнце, окрасив в розоватые тона часть пола, стену с графиками и полусогнутую спину человека, чье лицо было обращено к амфитеатру со студентами.

Перерыв давно прошел. Но урок все не начинался. Наставник, от кого это зависело, сидел за письменным столом и молча рассматривал своих воспитанников, словно впервые их видел; в каждом из них он узнавал себя самого в молодости, того юного Ор Хела, который вот так же упоенно мечтал о тех звездных перелетах, что им были совершены впоследствии. И думал.

Думал о преподавательской ответственности перед своими питомцами – завтрашними капитанами космических кораблей, штурманами и навигаторами звездолетов.

В чем она, эта ответственность?..

Абсолютное знание человеку недоступно. И вовсе не потому, что недостаточно вместителен его череп. Мозг неисчерпаем. Трагедия в другом. Он конечен во времени, отпущенном ему природой. За половину своего недолгого существования человек едва усваивает сотую часть того, что достигнуто цивилизацией. И то с помощью других людей – педагогов, которые постоянно озабочены тем, чтобы вторая половина его жизни была прожита не напрасно. И чем добросовестнее педагоги, тем человек полезнее для общества.

Был ли он добросовестным наставником? – размышлял Ор Хел. – Наверное, был. Он сделал все, что мог. Все ли?

Научить – это значит передать другому опыт, накопленный человечеством в той или иной области знания.

Но его собственный опыт подсказывает ему, что этого далеко недостаточно. У него самого тоже были добросовестные преподаватели... Однако первая же экспедиция на Суру едва не оказалась последней для него: прогуливаясь в окрестностях Базы, он по неведению угодил в одну из тех коварных трясин, которые словно нарочно расставлены для новичков (впрочем, будучи скрытыми под непрочной известковой корочкой, окрашенной в тот же сероватый тон,

что и разбросанные тут и там скальные выходы, трясины нередко подстерегали и многоопытных исследователей). Если бы не каприз местной эволюции, ему была бы крышка: прежде чем проглотить свою жертву, чудовище выволакивало ее из болота, где оно обитало, и, обильно поливая мочой, тщательно очищало от грязи...

Следовательно, научить – это еще и предупредить, уберечь человека от трагической ошибки, указать ему безопасную тропинку в топи, чтобы он не угодил в предательское «окно», которое подстерегает его в жизни...

Это значит вести.

И спасти.

И не только одного человека.

Иногда, быть может, целое человечество.

Молчание явно затягивалось. Амфитеатр недоумевал, выражая это тишиной, которая ему удалась впервые.

Один из студентов не выдержал, поднял руку.

– Что тебе, Лар Гут? – спросил его преподаватель.

– Я дежурный, учитель...

– Мне это известно, Лар Гут.

– Разрешите, я сотру с доски, учитель?

– Не нужно, Лар Гут, – решительно сказал Ор Хел. – На этом уроке доска нам не понадобится. Мы будем говорить.

– Речь пойдет о профессиональной осторожности космонавта, – продолжал он. – Через неделю у вас начнутся выпускные экзамены. За семь лет, проведенных в стенах Аудитории, вы получили минимум тех знаний, которые, считается, так или иначе пригодятся вам в предстоящей работе. Скажу больше: теперь вы самые образованные, интеллектуально и физически развитые люди на нашей планете. Да. Но так как вам придется работать не на «нашей планете», то я бы вам, ребята, не советовал переоценивать свои возможности и задирать нос выше, чем требует мера красивой осанки.

Дело в том, что наши знания хороши для нашей планеты. Быть может, еще для двух-трех миров, чьи физико-биологические условия в той или иной степени сходны с нашими. Но вполне возможно, что в девяти случаях из десяти они могут, говоря между нами, оказаться совершенно бесполезными, ибо большинство естественнонаучных законов, сформулированных кьююянскими учеными, отнюдь не универсальны, как явствует из отчетов последней звездной экспедиции, и, следовательно, не могут быть экстраполированы на весь космос.

Однако это далеко не означает, что космонавтам не обязательно быть людьми образованными.

Речь идет о том, чтобы вовремя и в нужном месте применить их, эти знания. Применить в сочетании с осторожностью, которая иногда может принести больше пользы, чем Максимальная Энциклопедия.

В качестве иллюстрации к этой мысли я предлагаю подлинную историю, записанную в форме дневниковых заметок навигатором Пер Гелом – участником Первой звездной экспедиции, в которой и я, к слову сказать, тоже принимал участие. Автор этой поучительной истории – не литератор, но тем не менее, а может быть, именно поэтому, сумел достаточно наглядно показать, возможно, помимо своей воли, к чему может привести пренебрежение элементарной осторожностью...

Итак... Что уже звонок?..

Урок второй

На этот раз преподаватель не терял даром времени; едва студенты вернулись в Аудиторию и заняли свои места в амфитеатре, он тотчас открыл тетрадь в потертой серой обложке.

– Это, ребята, записки навигатора Пер Гела, – объяснил он. – Те самые записки, о которых я говорил вам на прошлом уроке.

Сведения, адресуемые будущим историкам

2113 год (календарь кьююянский), 2 августа, спустя три часа после старта.

Итак, Первый звездный караван, состоящий из двух кораблей, стартовал с Кьююянского космодрома! Полет протяженностью в четыре с половиной световых года начался!

На одном из звездолетов разместился большой коллектив различных специалистов, второй приспособлен для транспортировки провианта, оборудования, всевозможных инструментов и массы других предметов, что могут пригодиться на месте назначения.

Цель экспедиции

Население Кьююю все возрастает, приближаясь к десяти миллиардам; благодаря демографической вспышке, которая ожидается в конце текущего столетия, оно удвоится. Поиски подходящей планеты, куда можно было бы осуществить массовое переселение, не терпят отлагательства.

8 ноября, пять лет спустя после старта

Как и предполагалось, желтая звезда по имени Эгуар действительно обладает планетной семьей. Притом – довольно многочисленной. Наш выбор пал на вторую от светила: судя по предварительным данным, она во многом похожа на старушку Кьююю. Начало многообещающее.

Специалисты по космической навигации оказались на высоте: с финишем проблем не было.

Мы поздравили друг друга с великолепной находкой, заодно и с великим кьююянским праздником – двухсотлетием Новых Начал. Ради этого случая – вернее, двух случаев одновременно – биолог Юн Кун, ведающий корабельной аптекой, выдал каждому по три таблетки сухого этилового спирта, которые были растворены в чашке дымящегося чая. Этот чай затем выпит с микроскопическим кусочком сахара.

12 ноября, вторая половина дня

Облюбованная нами планета – не только ближайшая соседка Кьююю по большому космосу, но и приходится ей близкой родственницей: наклон оси, масса, состав воздуха и почвы – все, за некоторыми исключениями, оказалось сходным. К этим исключениям следует отнести и необычайно жаркий климат, который, по-видимому, свойственен всякому миру, находящемуся в пору своей бурной молодости.

Эти выводы были сделаны тотчас, едва исследовательская группа, руководимая самим Лет Каром, начальником экспедиции, вернулась из первой вылазки.

Впрочем, Кун Фел, корабельный кок, догадался об этом значительно раньше, хотя и не только не делал никаких вылазок, даже не покидал своих исходящих аппетитным духом кастрюлек и сковородок.

– Судя по столь буйной растительности, – сказал он, махнув рукой в сторону иллюминатора, когда я появился в его владениях, не зная, куда деть себя от безделья (в качестве водителя вездехода с группой Лет Кара уехал Ор Хел), – планета застряла где-то между силуром и триасом...

– Иначе говоря, переживает свой каменноугольный период? – уточнил я, удивляясь осведомленности повара в делах эволюции. – То есть чертовски молода! – Точно юная девушка? Верно?

– Скорее всего, как молодая женщина, – серьезно возразил кок, – которая, возможно, уже успела разрешиться своими первенцами – рептилиями – и зачала млекопитающими.

И Кун Фел, корабельный кок, похоже, был недалек от истины: Лет Кар и его товарищи действительно видели каких-то исполинских животных, которые сильно напоминали рептилий.

20 декабря

Жизнь вокруг бьет ключом. Нет ни одной лужи, ни одной кочки, ни одной песчаной косы, где бы она не проявила себя пышной зеленью, лоснящейся плотью; многочисленные водоемы буквально кишат разнообразными представителями фауны, суша покрыта растительностью, словно взбитыми сливками, окрашенными в яркий зеленый цвет.

Не ускользнуло от наших взоров и другое обстоятельство: растительный мир представлен только древовидными папоротниками, а животный – исключительно ящерами, где бы они ни обитали – в воздухе, в воде, на суше. По-видимому, избыток жизненных сил и бедность видов – неотъемлемые свойства всякого молодого мира.

31 декабря, 23 часа

Пока товарищи готовятся к встрече с Новым годом, вешая последние украшения на синтетическую елку, установленную посередине Салона, где царит приподнятое предпраздничное оживление, я, уединяясь у себя в каюте, попробую обдумать очередную заметку. Но, кажется, мне это не удастся: в такие минуты человек или всюю веселится, находясь среди друзей, или отчаянно грустит, если он оказался в одиночестве.

Так оно и вышло.

Представляю новогоднюю Кьюю... Морозно... Месячно... И снег, повсюду снег... выпавший накануне. Обильный и чуткий. Он звонко поет свою зимнюю песню под ногами торопливых прохожих, которые... и ведать не ведают, какие они счастливые. Или ретиво трудится метель-пряха, наматывая на планету-клубок бесконечную белую пряжу. Балы, девушки и... елка! Настоящая. Колючая. Душистая. Вывезенная из заснеженного медвежьего бора...

Тут ничего подобного нет, и этот своеобразный праздник существует только в нашем воображении. Нет тут ни снега, ни метелей. А о крепком, цепляющемся за нос морозце и мечтать не приходится...

23 января

Работа идет вовсю. Без дела не сидит ни одна голова, ни одна пара рук. Уже функционирует около двух десятков хорошо налаженных исследовательских групп. Географы заканчивают физическую карту, широко используя метод аэрофотосъемки. Получены параметры замеров некоторых морей, найдены промышленные руды. Ботаники совместно с биологами успешно занимаются местным земледелием: на экспериментальном поле площадью около двух га месяц назад высеяли семена сельскохозяйственных культур, которые предусмотрительно прихватили с собой с Кьююю. Растут почем зря. Многие овощи и даже ягоды уже попали в меню.

Мы с Ор Хелом тоже не сидим сложа руки. Каждый день то одной, то другой группе требуется какой-либо транспорт, и мы, кому по должности полагается управлять любой машиной, находящейся в распоряжении экспедиции, то трясемся в вездеходе, то бороздим неведомые моря на углу суденышке, то взмываем в небо на маленьком самолетике – в зависимости от характера задания. Чудовишно устаем. Иной раз едва доберешься до поселка...

Кстати, следует сказать несколько слов о поселке.

Вначале появилась одинокая хижина, в которой ботаники и биологи, закончив рабочий день, оставляли земледельческие орудия. Затем, чтобы постоянно находиться при своем маленьком поле, и сами перебрались в нее, поставив с десяток раскладушек. Вскоре появилась вторая... Так неподалеку от места финиша постепенно вырос целый поселок.

В качестве строительного материала колонисты использовали древесину, листья травяного растения, похожего на папоротник, глину, песчаник. Несмотря на отсутствие элементарных удобств, бараки, однако, заселяются охотно: синтетическому комфорту космолета исследователи явно предпочитают эти немудреные архитектурные сооружения.

Чтобы защитить от набегов представителей местной фауны, поселок и опытный участок обнесли частоколом из папоротника и обтянули колючей проволокой: у рептилий настолько нежная и чувствительная кожа, что эта непрочная, почти символическая изгородь представляется для них совершенно непреодолимым препятствием.

Итак, в той мере, в какой намечалось, Кьюола – так мы назвали планету, которой, по-видимому, суждено стать второй родиной человечества, – исследована. Остальное сделают те, кто придет после нас. Наша миссия в сущности окончена.

Урок третий

29 января

Но прежде чем пригласить переселенцев, мы решили сделать визит еще одному члену этой многочисленной семьи. Речь идет о соседке Кьюолы со стороны светила.

Эта планета гораздо ближе к источнику тепла. Однако такие обстоятельства как значительный наклон оси, составляющий почти сорок градусов, и некоторая сплюснутость с полюсов, позволяли предположить, что в климатическом отношении она мало отличается от Кьюолы, и, при известных условиях, даже может быть обитаема.

9 февраля

Для полета на Эгуэру – это имя планета получила за свою близость к здешнему светилу – были приглашены добровольцы. Поскольку охотников оказалось больше, чем следовало, то Лет Кар обратился к списку, составляя который, он руководствовался соображениями чисто делового характера. Я тоже попал в этот список как навигатор судна, что готовилось в новое плавание.

17 марта, на другой день после старта

Нам повезло: наши сборы совпали с периодом противостояния.

Выждав пару неделек, когда расстояние между планетами сократилось до минимума, мы дали старт. А спустя столько же, перед нами возникла проблема посадки...

В этот же день, спустя несколько часов

Немало сюрпризов приготовила нам Эгуэра. Вот один из них: вопреки многообещающим прогнозам астрофизиков, она оказалась совершенно бесплодной, точно необъятная пустыня, где никогда не росло ни единого кустика. Во-вторых, начисто отсутствовала атмосфера, в-третьих... стоп! Для того, чтобы перечислить все, что нас на ней не устраивало, не хватит пальцев на руках и ногах всех участников экспедиции, вместе взятых...

Спустя еще несколько часов.

И все-таки планета обитаема! Да-да! Обитаема, несмотря ни на этот черный мертвый пепел, ни на отсутствие воздуха и еще ряд подобных факторов, которые отнюдь не способствуют процветанию жизни в нашем понимании. Обитаема! И не какими-то там безмозглыми тварями вроде тех, что мы встретили на Кьюоле, разумными существами, способными создавать машины!.. Но чем они,

эти разумные существа, дышат? Или, будучи анаэробами, они не нуждаются в кислороде?...

18 марта

Когда корабль опустился на поверхность планеты и застыл в вертикальном положении, участники новой экспедиции собрались в Салоне, чтобы как-то отметить это событие. Лет Кар, который пожелал и на этом финише разрезать ленточку, выступил с крайне короткой, но достаточно емкой речью:

– Товарищи, – начал он с торжественностью, подобающей данному случаю, и, тревожно оглянувшись на иллюминатор, вяло добавил: – поздравляю...

Вначале из-за густой черной пыли, поднятой посадочными маневрами, ничего не было видно по ту сторону иллюминатора. Пыль стояла сплошной стеной, через которую не проникал ни единый лучик света. Впечатление было такое, словно мы угодили в болото или в исполинский мешок с сажой. Оседала пыль очень медленно. Только через сутки иллюминатор немного очистился. Тогда-то перед нашими взорами и предстала та невеселая картина, которую я нарисовал в предыдущей заметке.

Таковыми же невеселыми были и наши мысли. В этом грозном царстве смерти... точнее – на этом просторном кладбище мы заживо похоронили свою последнюю надежду встретиться с собратьями по разуму.

Но не все так думали. Речь идет о группе астрофизиков, чьи прогнозы потерпели фиаско. Они упорно отказывались понимать то, что для других было очевидным.

– Это противоестественно! Нелогично! – протестовал, возмущался, не соглашался один из астрофизиков. – Быть такого не может...

– Перед нами факт, – резонно заметил другой. – Он глух к эмоциям.

– И к логике – тоже. Создается впечатление, – промолвил третий, задумчиво глядя в иллюминатор, – будто все эти опустошения вызваны искусственно...

– Представьте, я тоже об этом подумал, – отозвался Кур Нал, шеф астрофизиков.

– Чет знает что! – вмешался в разговор оказавшийся не у дел биолог Юн Кун. – Слушая вас, можно подумать, что когда-то тут действительно цвело, благоухало, ломилось от избытка жизни, как на грядке растропной кьююянской хозяйки. Как рисовалось нам с вами в радужных, не поддающихся ни анализу, ни логике мечтах...

– Да, – холодно ответил Кур Нал.

– Но кому это было нужно? – насмешливо осведомился биолог. – И зачем? Ради какой выгоды?

– Этого мы пока не знаем, коллега, – вызывающе сказал руководитель группы. – Но только пока, – значительно подчеркнул он. – Что же касается мечты – тут вы не правы... Речь идет о научном предвидении, базирующемся на предварительных прогнозах, которые, несмотря, ни на что, в принципе оказались верными.

– Согласно вашим научным предвидениям, – не унимался Юн Кун, – на Эгуэре должны быть умеренные климатические условия. В действительности же тут, мягко говоря, намного теплее...

– Верно, – согласился Кур Нал. – Но верно только для освещенной стороны; в тени наблюдается совершенно иная картина. Все дело в отсутствии газовой оболочки.

– Это ничего не меняет.

– Ну как же? Если бы планета обладала атмосферой, то благодаря конвекции воздушных масс было бы достигнуто известное температурное равновесие.

– У вас, физиков, готов ответ на все, что ни спросишь. Не смахивает ли это на казуистику? – возмутился биолог.

Астрофизики промолчали.

– Хорошо, – миролюбиво продолжал Юн Кун. – Допустим, что на Эгуэре и в самом деле некогда имели место условия, которые позволяли существовать животным и растениям. Теперь они, эти гипотетические условия, отсутствуют; стало быть, они были ликвидированы по произволу некоего злого разума?

– Ну, может быть, не по произволу, – поправил его один из физиков, – а по ошибке или неведению; например, в результате междоусобной войны, в которой было применено какое-то опасное оружие, или неосторожного физического эксперимента.

– Где доказательства?

– Дорогой коллега, – нахмурился Кур Нал, – вы не совсем правильно поняли нас. Речь идет всего лишь о предварительной рабочей гипотезе, существование которой отнюдь не означает того, что нами избрано единственно верное решение. Между тем... тот факт, что мы остановились на этом предположении, а множество других было отвергнуто, свидетельствует о том, что оно ближе других к истине. Иными доказательствами мы не располагаем; но они непременно появятся... в ходе дальнейшего исследования... Э-э-э... Обратите внимание!.. – вдруг заволновался он, прикикая к стеклу иллюминатора.

Урок четвертый

Призываемые Кур Налом, мы бросились к стеклу обзора, по ту сторону которого увидели внушительное серое облако, стремительно несущееся в нашу сторону; оно напоминало пылевую бурю, которая не могла иметь тут места. Следовательно, она здесь ни при чем. Вскоре это стало очевидным. Приближаясь, облако постепенно распалось на отдельные черные точки величиной с саранчу. Спустя мгновение, это были уже кочевые голуби, которые в столь же громадных количествах некогда пронеслись над материками Кьююю, пока не были истреблены браконьерами. Затем голуби превратились в летающие тарелки, а те в свою очередь – в исполинские мухоморы на раздвоенной ножке.

Мнения разделились. Одни полагали, что это летательные аппараты, другие принимали их за животных, чья биология была таковой, что они могли существовать в условиях абсолютного отсутствия воздуха. Обитатели Эгуэры обладали качествами машин и животных одновременно, хотя мы не знаем ни одного животного и ни одной машины, на которых бы походили эти странные создания.

19 марта

Сегодня утром мы были подняты, как говорится, ни свет ни заря. Однако завтрак прошел, как обычно. Когда остатки бутербродов были запиты чашкой размоченного в кипятке шоколада, Лет Кар приступил к делу.

– Лус Ял, Нек Тас, Ус Вит, Сел Вет, Юн Кун, Пер Гел, Кер Лар и Кур Нал, – начал он энергично. – Названных товарищей прошу приготовиться к выходу в условиях номер один... Лаборант Ус Вит?

– Слушаю вас, шеф?

– Пожалуйста, напомните нам, что представляют собой условия, известные среди исследователей космоса под номером один.

– Это такие условия, когда планета, подлежащая исследованию, обладает воздухом, которым нельзя дышать; либо она лишена его вовсе...

Другими словами, когда космонавт вынужден работать в скафандре...

– Верно, молодой человек. Следовательно, команда «приготовиться к выходу в условиях номер один»...

– ... означает «надеть скафандры».

– Спасибо, Ус Вит. Обращаюсь ко всем. Возьмите с собой портативную химическую лабораторию, аппаратуру для фотосъемки,

биноклярный телескоп и ряд других приборов, которые могут понадобиться во время работы. Об обязательном двухсуточном запасе пищевых концентратов, воды, воздуха, я полагаю, напоминать не нужно... На профессора Кур Нала, – продолжал он, подумав, – возлагается общее руководство группой. Так... Э-э-э... – Похоже, он еще что-то хотел сказать, но что именно, не мог вспомнить.

Я решил помочь ему.

– Вы ничего не сказали нам о транспорте...

– Да... – спохватился Лет Кар. – Я предлагаю ракету.

Возражений не было.

– Что я должен делать? – осведомился биолог.

– Попытайтесь изловить экземпляр-другой местной фауны, – усмехнулся Лет Кар. Затем, убрав улыбку, серьезно добавил: – Перед вами, Юн Кун, ставится наиболее конкретная задача: установить происхождение или лучше сказать природу загадочных грибообразных объектов; иначе говоря, постарайтесь выяснить – машины это или животные. Или растения, один из видов которых они напоминают по форме.

Спустя полчаса, может быть, несколько больше, ракета медленно поползла в небо, опираясь о млечный столб конденсата и скрипя, точно старая несмазанная телега; набрав заданную высоту, она развернулась на сорок пять градусов и, охотно повинаясь моему произволу, пошла параллельно поверхности планеты.

– Итак, – начал профессор Кур Нал, опомнившись от перегрузок, – сперва, значит, по экватору...

Я помолчал, поскольку обо всем, что касалось маршрута, мы условились еще в космолете.

– Затем шесть витков по параллелям, – рассеянно добавил он, наклонившись над окуляром телескопа, нацеленного в нижнюю часть передней полусферы обзора.

Остальные шестеро тоже не теряли даром времени. Лаборант колдовал над своими хрупкими склянками, наполненными разноцветной жидкостью, взбалтывал, рассматривал их на свет; он то и дело брал пробы воздуха и, не находя его, растерянно оглядывался на товарищей и протяжно стонал:

– Вакуум!

Географы-картографы суетились у своих бойко стрекочущих аппаратов. И у них не обходилось без стонов:

– Уж слишком торопитесь, уважаемый пилот!..

Однако, понимая, что изменить ничего нельзя, они мечтательно добавляли:

– Нам бы вертолет...

– А черепаху не хотите? – не слишком остроумно сострил лаборант.

Но географы-картографы, крайне удрученные возможными неудачами в работе, что проводилась в условиях, столь далеких от идеала, явно недооценили этой шутки: вместо улыбки, которую полагалось изобразить на лице хотя бы ради приличия, на их бледных губах возникла обильная слюна, точно лаборант предложил им не шутку о черепахе, а жаркое из этого славного животного.

Не сидел без дела и биолог Юн Кун, хотя со стороны его можно было принять за скучающего бездельника. Инструмента при нем никакого не имелось, и это, по-видимому, мало его беспокоило: в качестве такового он успешно использовал самого профессора Кур Нала, время от времени крича ему в ухо:

– Как «грибы», профессор?

Ракета между тем стремительно неслась вперед, строго придерживаясь западного направления, взятого в самом начале. Вскоре она нырнула в ночное полушарие. Вокруг нас тотчас сомкнулась непроглядная темень.

– Что за черт?! – выругался Кур Нал; поглощенный наблюдениями, он не сразу сообразил в чем дело.

Ничего не заметил и биолог.

– Вы что-нибудь увидели, профессор? – встрепенулся он, вскакивая с места.

– Напротив!...

– Немудрено, – заметил я. – Мы только что пересекли терминатор.

– Так скоро! – Руководитель группы потянулся к локовоксору. – В таком случае нам предстоит пережить вторую ночь за сутки...

– И еще один день в придачу.

20 марта

Наша ракетная вылазка продолжалась двадцать часов; за это время мы сделали восемнадцать витков, то и дело меняя направления. Экспедиция оказалась на редкость плодотворной. Особенно повезло географам; они собрали богатейший материал для будущей карты планеты. Не обошла удача и Юн Куна, хотя ему и не удалось выяснить природу грибообразных; зато были получены данные, касающиеся их экологии, вернее – места под солнцем, кроме которого они нигде больше не наблюдались. Последнее следует понимать буквально: зона их обитания была ограничена узенькой полоской на экваторе, а еще точнее – точкой, в которой солнечное излучение было наиболее

интенсивным. Только лаборант вернулся ни с чем. Но он утешился общими успехами, выпавшими на долю экспедиции.

21 марта

Следующую вылазку мы посвятили исключительно грибообразным.

Очередная группа, в которую вошли астрофизик Кур Нал, лаборант Ус Вит, географ Нек Тас, биолог Юн Кун и я, заранее забралась в вездеход и терпеливо ждала соответствующей команды у откинутого пандуса.

Как и следовало ожидать, грибообразные появились ровно в полдень. Двигались они упорядоченно, без суеты, строго выдерживая одинаковые интервалы между собой. И довольно быстро: за местные сутки, составляющие всего девятнадцать часов, они успевали облететь вокруг планеты – преодолеть расстояние, равное окружности Кьююю по экватору. Надо сказать, они не всегда находились в полете, следуя за упомянутым пятачком; иногда опускались на поверхность Эгуэры и на несколько минут, словно отдыхая, замирали. Этим-то обстоятельством мы и решили воспользоваться сегодня, чтобы рассмотреть их получше.

– Пошел! – распорядился Кур Нал, когда первые грибообразные заслонили от нас «солнце».

Двигатель уже работал. Я выжал сцепление и сходу набрал скорость. Я всю тормозил машину, чтобы не отстать от «облака». Нам снова сопутствовала удача. Едва мы проехали четверть километра, как оно внезапно остановилось, точно наткнулось на невидимую преграду; в следующую секунду «облако» высыпалось грибным дождиком. Именно высыпалось – иначе не назовешь это стремительное «приземление».

Как ни странно, но вблизи грибообразное больше походило на... человека, чем на обитателя лесных чащ. Вернее – на карикатуру, изображающую человека... нечеткими, слабыми штрихами на шляпке неправдоподобно огромного мухомора угадывались длиннопалые руки, сложенные под затылком, плоское застывшее лицо, которое навечно было обращено к небу, различались глаза, нос, уши, рот... Под причудливым клубком сросшихся воедино рук, ушей, головы и прочего торчало весьма недоразвитое тело со столь же недоразвитыми нижними конечностями.

Мы смотрели во все глаза. Нек Тас, вооруженный кинокамерой, кроме того, в большом количестве изводил бесценную ленту, чтобы показать ее тем, кто не поверит нашим рассказам.

Но лаборанту Ус Виту, привыкшими иметь дело с пробирками, и этого показалось мало.

Будучи человеком решительным и несколько эксцентричным, Ус Вит частенько делал промахи, которых легко избежать при известной осторожности. Впрочем, искусный экспериментатор и в общем-то неплохой ученый, он даже из своих промахов ухитрялся извлечь далеко идущие выводы. Больше того, он совершенно сознательно шел на них, эти промахи, расценивая ситуации, где они имели место, «наилучшими условиями для постановки научного эксперимента».

Эти условия мерещились ему и в данном случае.

Наблюдение – несомненно полезная вещь. Полезнее вдвойне, когда оно осуществляется с помощью окуляра микроскопа. Следовательно, – решил Ус Вит, – что бы это ему ни стоило, но грибообразное должно быть доставлено к нему в лабораторию. Ну, может быть, не полностью, не целиком: для начала достаточно того, что поместится на предметном стеклышке...

До ближайшего «гриба» было не более десяти метров: достаточно двух-трех хороших прыжков... и Ус Вит их сделал... затем взмахнул геологическим молотком... последовала ослепительная вспышка...

Нашли мы лаборанта в облаке густой пыли, поднятой его падением. В руках он все еще держал молоток, который теперь представлял головешку, лишенную металлической части. Тут же обнаружили и его трофей – указательный палец грибообразного весом около килограмма...

Урок пятый *22 марта*

На первый взгляд Палец дьявола, как мы единодушно окрестили трофей Ус Вита, казался обычным куском камня буроватой окраски. Но только на первый взгляд. Присмотревшись повнимательней, мы обнаружили ряд желтоватых включений, которые, однако, не были слюдой, хотя и напоминали ее по цвету. Шлиф, изготовленный лаборантом, нам рассказал еще больше: на зеркально отполированной плоскости среза желтые включения наблюдались значительно отчетливее и имели сложную систему ветвящихся прожилков, наталкивающих на мысль об органическом происхождении. Но результаты химических исследований говорили об обратном: бурая масса оказалась чистейшим кремнием, а загадочные разводы представляли собой золото – все это никак не вязалось с нашими представлениями о какой бы то ни было жизни.

Словом, факты, полученные в результате последних исследований, были достаточно противоречивы, и сторонники машинной теории располагали столь же убедительными аргументами, сколь и те, что придерживались полярно противоположной точки зрения.

23 марта

Утренний кофе, вопреки обыкновению, сегодня неожиданно превратился в оживленную шумную дискуссию. Разумеется, право решающего голоса принадлежало пострадавшему во имя научной истины – лаборанту Ус Виту. Это был большой разговор, в ходе которого выяснилось много любопытного. Последовали выводы. Вот важнейшие из них.

1. Грибообразные – системы, имеющие биологическое происхождение.

2. Существуют они исключительно за счет электрической энергии, извлекаемой ими из лучей местного светила.

3. Это эффективные природные генераторы.

4. Путем контакта с поверхностью планеты одно грибообразное сбрасывает излишек электрической энергии, равный количеству, которое вырабатывает за сутки кьююянская электростанция средней мощности.

5. Если учесть, что грибообразные это делают через каждые сорок минут, то легко (и не легко в то же время!) представить, сколь велика «производительность» этих природных генераторов.

Уровень всякой цивилизации зависит, прежде всего, от того, каким энергетическим потенциалом она располагает. Если удастся приручить этих кремниевых созданий и наладить рациональный сбор упомянутых излишков, то можно будет получить добавочное море дешевой электроэнергии; это позволит технологии Кьююю подняться на несколько ступеней сразу. Многообещающие, захватывающие перспективы!

27 марта

Легко сказать – приручить грибообразное. Это тебе не морская свинка и даже не коосский крокодил, который отличается крайне свирепым и несговорчивым нравом; их повадки, сильные стороны, равно как и уязвимые, подробнейшим образом описаны во многочисленных руководствах, призванных помочь дрессировщикам и укротителям в их полной риска и опасностей работе. Мы же ничем подобным не обладаем – ни специальными руководствами, ни навыками укротителей. Однако трудности и известный риск,

связанные с такого рода начинаниями, нас не остановили: слишком велик был соблазн освоить принципиально новый источник энергии.

Вот только с какой стороны к этому подступиться?..

– Постоянная привязанность, которую выказывают грибообразные к своему светилу, сильно усложнит осуществление нашего дерзкого замысла, – посетовал Юн Кун.

– Напротив, – возразил Кур Нал. – Это их ахиллесова пята. С помощью системы достаточно мощных прожекторов мы попробуем соорудить нечто вроде ловушки...

На том и порешили.

Опыт удался!

Один из пленников светила или просто солнечников, как иногда мы их именовали, охотно отреагировал на нашу нехитрую приманку. Спустя некоторое время его сородичи бесшумно снялись с места и, круто набирая высоту, устремились на запад. Мы затаили дыхание: улетит или не улетит? Вскоре грибообразные скрылись за горизонтом. Но наш пленник – теперь он стал нашим пленником! – не пожелал последовать их примеру.

Он остался!

Это успех!

Однако, прежде чем водворить в трюм звездолета своего пленника, мы решили подвергнуть его еще одному испытанию. Что произойдет с солнечником, если его лишить каких бы то ни было источников света?

Эта не слишком гуманная мысль пришла в голову нашему биологу, которому чаще приходилось иметь дело со скальпелем, чем с гуманизмом; поскольку обитатели Эгуэры не обнаруживали разума, то она была найдена вполне разумной (извиняюсь перед возможным читателем этих записок за свой невольный каламбур).

Эксперимент был назначен на следующую ночь.

28 марта

Итак, мы решили оставить грибообразное без света и посмотреть, что из этого выйдет.

Ночь была темная, безлунная (Кьюола, которая тут исполняет обязанности луны, еще не вошла) и кратковременное затмение, следовавшее за поворотом рубильника, показалась нам ослепительно черной вспышкой; на том месте, где только что, не подозревая о нашем вероломстве, безмятежно дремало грибообразное, мы обнаружили небольшой холмик аморфной сыпучей массы, которая, кстати, ничем не отличалась от летучего серого праха, что

толстым слоем покрывает поверхность мертвой планеты, на которой мы находимся в настоящее время.

На этом наше знакомство с Эгуэрой закончилось. Прихватив с собой одного из солнечников (был, разумеется, применен выше описанный способ), мы вернулись на Кьюолу.

Урок шестой

5 апреля

Один раз в неделю, обычно в конце, колонисты собирались в Салоне жилого корабля, и его стены оглашались смехом и оживленными голосами. Обменявшись приветствиями, тут же придуманными шутками, они шумно усаживались за длиннющий стол, посередине которого внушительно возвышался бронзовый самовар, увенчанный пышным султаном белесого пара. Быстро наполнялись ярко расписанные чашки. Зато пили не спеша, со вкусом, молча, словно священнодействовали.

После чаепития, этого строго и ревностно поддерживаемого, ставшего со временем традицией, обряда начиналась основная часть собрания – отчет руководителей многочисленных групп перед начальником экспедиции. Отодвигалась в сторону порожняя посуда, на ее месте появлялись блокноты, записные книжки, рулоны чертежей, два-три ничем не примечательных камня, а то и какой-нибудь препарированный зверек. Затем обсуждался проект плана исследований на следующую неделю. Утрясали ряд хозяйственных вопросов, сетовали на недостатки, неизбежные во всякой экспедиции, и расходились по баракам.

Официально это называлось рапортом, а неофициально – исповедью перед Бронзовым Идолом.

Необходимость подобных «исповедей» очевидна. Однако не только необходимость, и меньше всего необходимость, собирала нас в Салоне. Походная, полевая обстановка, что была мерой нашего существования, держала нас в постоянном напряжении, ежедневно требовала от нас полной отдачи духовных и физических сил; это хорошо, быть может, для машин, чьи детали изготовлены из добротных сплавов, но нас, кое-как и на скорую руку вылепленных из глины, как утверждают библейские источники, это сильно изматывало. Иначе говоря, нам была просто необходима какая-то разрядка: чашка чая, выпитая в конце недели, была всего лишь иллюзией, но нас это вполне устраивало...

Наверняка не обошлось бы без рапортов, записных книжек и препарированного зверька и в эту субботу, если бы в самом начале обряда чаепития не произошло нечто ужасное!..

Оглушительный грохот, серия неистовых толчков, которые угрожающе раскачивали звездолет из стороны в сторону, потоки ослепительного света, хлынувшего в иллюминаторы – все это обрушилось на нас одновременно и совершенно неожиданно... Казалось, под ногами была не идеальная во всех отношениях планета, а исполинская бочка с порохом, в которую бросили зажженную спичку... Мы чувствовали себя тараканами в консервной банке, катящейся под гору...

Вскоре толчки прекратились, утих грохот... Однако пожар полыхал до конца ночи, хотя и был не столь ярок, как в начале.

Выяснение того, что произошло по ту сторону обшивки корабля, мы отложили на утро, которое, как гласит народная пословица, вечера мудренее.

6 апреля

Но утра в этот раз не было; день наступил, минуя его; не было ни ультрамариновых сумерек, ни радужной зари на горизонте, ни прочей пиротехники, которой природа обычно иллюминирует рождение и умирание своего недолговечного детища. Единственное, что свидетельствовало о приходе этого времени суток, это восход «солнца», внезапно появившегося на темном звездном небе. На слишком темном и звездном для этого времени суток.

В мире что-то расклеилось, надломилось...

Мы не узнали планету Кьюолу – от того великолепия и полнокровия, что я описал выше, не осталось и следа; за одну единственную ночь она превратилась в сплошное пепелище, в черную безжизненную пустыню, что напоминала печально знаменитые ландшафты Эгуэры, которую мы только что покинули.

И, словно уточняя это сходство, ровно в полдень появилось «серое облако». Это было многочисленное потомство нашего пленника, которого мы прихватили с Эгуэры, рассчитывая с его помощью наладить добычу даровой электроэнергии и который нес жизнь, размножаясь путем деления, с одной стороны, с другой – смерть и апокалиптические опустошения...

– Вот и все, ребята, – сказал в заключение наставник Ор Хел, отодвигая рукопись. – Почти все. Далее навигатор описывает ряд далеко не гуманных проектов, с помощью которых он и его

незадачливые товарищи пытались исправить то, что допустили в результате своих неосторожных действий. Иначе говоря, приводит два – три способа истребления солнечников, представителей неведомой формы жизни, которая, как и всякая другая, имеет право на существование. В конце – до десятка поучительных графиков, кривые маршрута и тому подобное.

Истекают последние минуты последнего урока, – продолжал он, посмотрев на часы. – Скоро вы отправитесь к звездам, и, я надеюсь, вы готовы к встрече с ними. Во всяком случае мы, педагоги, сделали все, чтобы вы оказались на высоте при столкновении с Неизвестностью... Одну минуту, ребята. Я должен сказать еще пару слов в качестве напутствия: будьте осторожны, максимально осторожны. Космос – это тот же музей, где разрешается смотреть во все глаза, но запрещается трогать. Вы убедились, к чему привело пренебрежение этой заповедью товарищей вашего покорного слуги...

Никогда не забывайте об этом поучительном примере.

А если бы навигатор Пер Гел и его легкомысленные коллеги, надумав сделать подарок энергетикам, доставили бы на Кьююю парочку грибообразных?.. Впрочем, и одного было бы вполне достаточно...

Словом, осторожность, осторожность и еще раз осторожность!

Большого космоса вам, ребята!

Оглавление

Благословенная ошибка	4
Случай, когда ядерная война принесла пользу.....	10
Летучая мышь	15
Быть или не быть?	25
Солнечники	37

Тираж 50 экз.